

**«Память горя сурова,
Память славы жива...»
(часть I)**

Министерство культуры Свердловской области
Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области
«Свердловская областная межнациональная библиотека»

**«Память горя сурова, Память славы жива...»
(Часть I)**

Екатеринбург – 2025

ББК 63.3(2)622

П 15

П 15

«Память горя сурова, Память славы жива...». (Часть I) / Министерство культуры Свердловской области, Свердловская областная межнациональная библиотека ; составитель О. И. Калинина. – Екатеринбург : СОМБ, 2025. – 80 с. : ил. – Текст: электронный.

ББК 63.3(2)622

© ГБУК СО СОМБ, 2025

Содержание

Главный герой всего творчества – родной город

«Обращение земледельца в солдата – это всегда трудный психологический порог, всегда тяжелая внутренняя ломка».

Песенная летопись войны

«Они прошли по той войне. Писатели-фронтовики»

Современник войны

Правда писателя

Суровая правда и чистота

Автографы войны

Строка к строке о той войне

«Не только именем я русский...»

«Он в песнях отразил войну»

«Писатель, рожденный Великой Отечественной»

Муза блокадного Ленинграда

Свидетель времени

«Мне выпало все...»

Стихи из планшета гвардии лейтенанта

Жизнь и борьба

ЭПИЛОГ «Вспомним их поименно»

Список литературы

ПОМНИМ!

1945–2025

Строки из стихотворения А. Твардовского мы взяли для названия нашего дайджеста. Мы расскажем о судьбах и книгах поэтов и писателей, посвятивших свои произведения Великой Отечественной войне. В этих стихах и судьбах – доказательство того, что гитлеровцы столкнулись с великим народом.

Мы попытались выбрать стихотворений и рассказы, поэмы и романы писателей и поэтов – особенных, юбиляров 2025 года. В год празднования 80-летия Победы это символично. Война по-разному отразилась в их творчестве. Кто-то очень редко вспоминал войну и выбрал для своих произведений мирную жизнь и её ценность, кого-то военная тема не отпускала до конца жизни, а для кого-то память о пережитом стала этапом становления, периодом роста духовного и творческого.

Всех поздравляем с величайшим праздником – с Днем Победы! Всем мира, добра и солнечного неба!

Главный герой всего творчества – родной город

ВАДИМ ШЕФНЕР

«Говорю вам: война – сестра печали, и многие из вас не вернутся под сень кровли своей. Но идите. Ибо кто, кроме вас, оградит землю эту...»

В.Шефнер «Сестра печали»

Вадим Шефнер берет эту фразу из Библии, чтобы полнее выразить весь ужас войны.

Вадим Сергеевич Шефнер – фронтовик, поэт, прозаик. Невероятно скромный, добрый человек, о котором Евгений Шварц говорил: *«Это писатель особенный, драгоценный, простой до святости. Именно подобные существа и создали то явление, что называем мы литературой».*

Этой добротой, этим теплом пронизаны даже горькие военные стихи Шефнера. В них нет показного героизма. В них только правда. И желание не допустить повторения подобной трагедии нигде и никогда.

*Отступление от Вуотты,
Польхающие дома...
На земле сидел без заботы
Человек, сошедший с ума.
Мир не стоил его вниманья
И навеки отхлынул страх,
И улыбка всепониманья
На его блуждала губах.
Он молчал, как безмолвный Будда,
Все сомненья швырнув на дно, –
Это нам было очень худо,
А ему уже – всё равно.
Было жаль того человека,
В ночь ушедшего дотемна, –
Не мертвец был и не калека,
Только душу взяла война.*

Когда началась война, Вадим Сергеевич написал на второй день стихотворение: «Верим в победу!» и долгое время поэту было не до стихов:

*Против нас полки сосредоточив,
Враг напал на мирную страну.*

12 января исполняется 110 лет Вадиму Сергеевичу Шефнеру, выдающемуся литератору. Он умел писать всё-поэзию, классическую прозу, фантастику, прошёл путь фронтового журналиста.

Когда началась война, долгое время поэту было не до стихов. Он нес службу в части, оборонявшей осажденный Ленинград, хотя до войны имел «белый билет» из-за слепоты на один глаз.

Так как служба в обеспечении аэродрома не подразумевала прямого боевого взаимодействия, норму питания урезали: в ноябре рядовой Шефнер получал согласно блокадной нормы 300 г хлеба в сутки. При учете морозов первой блокадной зимы это привело к серьезному истощению. К самому же поэту вдохновение вернулось только после госпиталя, в 1942 году, когда Вадима Сергеевича назначили сотрудником армейской газеты «Знамя победы».

*Белой ночью, самой белой ночью
Начал эту чёрную войну!*

*Только хочет он или не хочет,
А своё получит от войны:
Скоро даже дни, не только ночи,
Станут, станут для него черны!
23 июня 1941 года.*

Сколько стоит за скупыми строками: «На Великую Отечественную войну я ушёл рядовым». Вспоминая тяжёлые, первые дни войны Вадим Шефнер напишет стихотворение «Осенью сорок первого»:

*Память, минувшее унаследуй,
Помни сентябрь сорок первого года!
Друг мой, не веровавший в победу,
Жизнь за Отчизну бесстрашно отдал.*

*Это теперь незрячим и зрячим
Видно сквозь годы, что в отдаленье
Май сорок пятого нам замаячил
В дни самых горестных отступлений.*

*Ну а тогда не каждый, не всякий
Верил, что злую силу осилим, -
Но, не колеблясь, в час контратаки
Жизнь был готов отдать за Россию.*

*Память людская, всё унаследуй, -
Помни о тех, кто давней порою
Просто за Родину, не за победу,
Пали смертью героев.*

Работа со словом дала толчок поэтическому творчеству, и в итоге вторая книга: «Защита», вышла в Ленинграде 1943 года, в разгар блокады. 3 году. Тоненькая невзрачная книжечка – «Защита» – в бумажной обложке. В ней все стихи – о войне, о родном городе моем. Бережно храню ее...» (В. Шефнер).

*На Петроградской.
Не возвращались птицы этим летом
В блокированный город Ленинград,
Но осенью, как прежде, в сквере этом
Деревья бледным золотом горят.
Здесь никуда от прошлого не деться,
Ты рад не помнить, но оно с тобой.
Сквер городской, тебе знакомый с детства,
Не обойти окольной тропой.
Здесь ты еще мальчишкой глупым бегал,
Из-за лапты опаздывая в класс,*

*Здесь на дорожке, занесенной снегом,
Ты целовался в самый первый раз.
И освещает скудный свет заката
Скамью у невысоких тополей –
На ней ножом ты вырезал когда-то
Инициалы девушки своей.
Но всё на свете и страшней, и проще,
Чем думал ты в минувшие года, –
Пришла война, обугливая рощи
И под откос швыряя поезда...
Спроси себя в осенний этот вечер –
Что для отчизны сделано тобой?..
За прошлые, за будущие встречи,
За этот сквер, за город длится бой.
Взгляни вокруг – в домах зияют раны,
Но полон город силою стальной.
Второй военной осени туманы
Плывут над Петроградской стороной.
Август 1942*

Страшная картина блокады Ленинграда открылась в стихотворении «Зеркало»: обугленная стена разбитого бомбёжкой дома, порванные обои на ней, двери «обрушившихся комнат» «висят над пустотой», и на стене, на высоте шестого этажа, – уцелевшее чудом зеркало, в которое ещё недавно гляделась девушка «и косы заплетала перед ним», а теперь в него глядится «лицо ожесточённое войны».

*Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.*

*Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.*

*И пусть я всё забуду остальное –
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.*

*Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены, –
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.*

Уже сама по себе картина эта впечатляюща. Казалось бы, на этом можно было бы и поставить точку. Но истинный художник делает ещё один, может быть, главный мазок, который выводит читателя из состояния созерцательности (хотя и сугубо эмоционального), пробуждает в нём активное начало, проявляет характер, позицию автора, придаёт всему стихотворению направленность:

*Его теперь ночная душит сырость,
Слепят пожары дымом и огнём,
Но всё пройдёт. И что бы ни случилось –
Враг никогда не отразится в нём!*

Великую Отечественную войну Вадим Шефнер окончил в звании старшего лейтенанта. В 1945 году вступил в члены ВКП (б). После окончания войны Шефнер много публиковался, книги выходили регулярно. В 1946 году каким-то чудом вышел в Ленинграде сборник Шефнера «Пригород». Почему чудом? В этой книжечке, свободно помещавшейся во внутреннем кармане гимнастерки, не было ни слова фальши. Была исповедь свободной, отважной и по-ленинградски сдержанной души. Никаких победных восторгов. Грусть, боль, неизбывная вина перед теми, кто не вернулся.

Завершали книгу отрывки из поэмы «Встреча в пригороде» (полностью опубликована лишь в 2005 году). Эта поэма о любви и войне написана будто в одну ночь.:

*О, как легко здесь думалось, дышалось,
Как в будущее верилось легко!
Душа, как всем ветрам открытый парус,
Раскидывала крылья широко.*

*И набегали волны...
Мы пьянели,
Покачивалась вешняя земля,
Как палуба неверящего в мели,
Летящего за счастьем корабля.*

В его творчестве присутствовали как стихи, так и проза. Поэзия Вадима Сергеевича была очень разноплановой – от коротких лирических зарисовок вроде «Середины марта» до идеалистической философии – стихотворение «Слова» является ярким примером этого стиля.

***Словом можно убить, словом можно спасти,
Словом можно полки за собой повести.
Словом можно продать, и предать, и купить,
Слово можно в разящий свинец перелить.***

Эти строки, написанные в 1956 году, прежде всего похожи на манифест поэта, декларацию собственного отношения к слову в любом его проявлении.

«Обращение земледельца в солдата – это всегда трудный психологический порог, всегда тяжёлая внутренняя ломка».

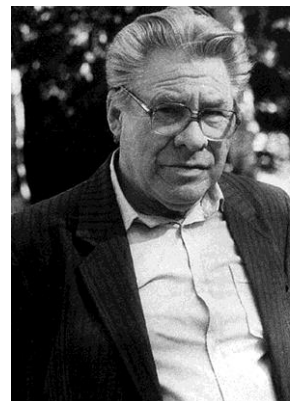
ЕВГЕНИЙ НОСОВ

Первое произведение Евгения Ивановича о войне – рассказ «Красное вино победы» был написан в 1969 году. Автор словно воскрешает День Победы – девятое мая 1945 года. Но ведёт он своих читателей не к поверженному рейхстагу, не в Потсдам, где была подписана капитуляция фашистской Германии, а в далекий от фронта небольшой городок, в палату госпиталя, где лежат тяжело раненные солдаты...

Самое крупное произведение Евгения Ивановича об Отечественной войне – повесть «Усвятские шлемоносцы». Приступая к работе, писатель думал написать большой роман, детально раскрывающий ход войны, изображающий ее сражения и битвы. Но те главы, которые первоначально мыслились как своего рода экспозиция к роману – о том, как происходил поворот от мирных дел и настроений к готовности воевать и стали основой новой повести.

«Усвятские шлемоносцы» – это своего рода реквием, проникновенно светлый и вместе с тем неуловимо грустный рассказ о последних счастливых днях одного русского села перед наступлением катастрофы, трагически и безвозвратно изменившей жизнь целого народа. Никаких тебе высоких слов и глубокомысленных обобщений. Есть лишь простые русские люди, простые человеческие радости и, как сказали бы сейчас, вечные консервативные ценности – семья, дети, труд, жизнь и Родина.

Один из центральных эпизодов повести, тот, в котором дед Селиван, георгиевский кавалер Первой Мировой войны, объясняет усвятским мужикам старинное значение их имён: Касьян – «шлемоносец», Николай – «победитель», Афанасий – «не боящийся смерти» и т.д.,

15 января исполняется 100 лет со дня рождения Евгения Ивановича Носова, известного писателя, родом из города Курска, участника Великой Отечественной войны.

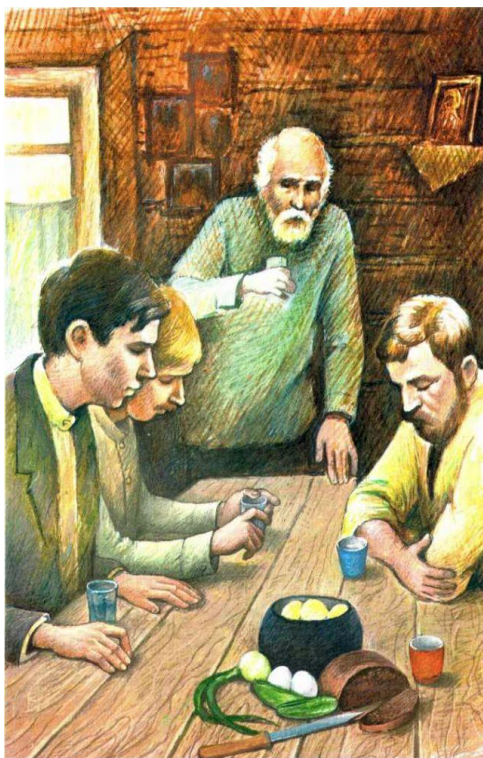
Ему было шестнадцать лет, когда фашистские полчища напали на нашу страну. Он только-только закончил восьмой класс.

В армию пошел уже в 1943 году. Под Кенигсбергом был тяжело ранен. День Победы встретил в подмосковном госпитале.

можно считать прямой отсылкой к русской христианской культуре и национальной истории.

Надежда на великую победу – разгром врага, презревшего законы «мира», усиливается в сцене проводов на фронт. Усвятские шлемоносцы строем, в сопровождении жен и детишек вышли за околицу, на дорогу, которая должна была увести их за «привычную черту».

«Дорога в ту военную сторону уходила как раз хлебным наделом, обступившим деревню с заката от самой околицы. Нынче, как ни в какой день, расшумевшееся на ветру, ходившее косыми перевалами, то заплескивая дорогу, то отшатываясь от нее обрывистым краем, поле словно бы перечило этому уходу, металось и гневало, бессильное остановить, удержать от безвременья».

Вся глубина народной философии у Носова раскрывается в контексте споров усвятцев о войне и смерти. В свое время Н. Бердяев писал, что на войну христиане идут не убивать, а умирать. Один из товарищей Касьяна откровенно признается, что для него первое даже страшнее второго: «По мне, не умирать – убивать страшно. Али сам не такой?». Крестьяне объясняют, растолковывают себе сами, что Гитлер-разбойник, коршун-«хвастист», захотевший свежатинки, змей о трех головах, как бы оправдывая свои намерения. Но и в этом сугубо мужском разговоре все равно прозвучит странное откровение: «мне страшно самово себя, подступавшей минуты: как же я по живому человеку палить-то буду?». Получается, что шлемоносцы не ищут смерти даже врага своего. Не приемлют их души преждевременных, нарушающих общепринятый ход вещей событий.

На войну они идут вынужденно, чтобы оборонить собственное идеально гармоничное жизненное пространство: «Ну да что толковать? Жил? Жил! Семью, детей нажил? ... Нажил – стало быть, иди обороняй. А кто ж за тебя станет?».

У них единственная «военная» задача – сохранить и передать свой «благодатный» мир сыновьям. Борьба за этот мир началась с той самой секунды, когда прозвучал военный набат, началась с сохранения, восстановления сердечного равновесия – «мира» и лада в душе. Страшное, трагическое, военное смятение, от которого Касьяну долго не удавалось избавиться, ощущение, что *«душа катится под гору»*, было связано с восприятием войны как события погибельного, апокалипсического.

В поисках оснований для укрепления души Касьян упорно заставляет себя продолжать естественное для крестьянина служение жизни, отмечая все смертные предзнаменования. Именно поэтому, возвратившись от Селивана, увидев свой двор неожиданно белым, будто

заваленным по самые застрехи снежными сугробами, после повальной стирки, устроенной женой и матерью, Касьян раздражается...

Видит вышедших провожать шлемоносцев баб в белых платках и белоголовых стариков и ребятишек. И ноет его сердце. Белый цвет – «постоянный атрибут смерти», присутствующий в фольклорных текстах «во всех «видениях», «явлениях», вызывает неосознанное внутреннее сопротивление.

Главная задача, которую должны были решить шлемоносцы, – не дать смерти вытеснить жизнь из принадлежащего им мира. Представляется, что именно эта мысль, эта идея стала основной в повествовании фронтовика.

«Самой своей повестью я хочу сказать: посмотрите, какой мирный наш народ! Он никому не может угрожать. Конечно, если его побеспокоят, он постоит за себя».

Е. Носов

Таланты писателя-фронтовика неисчерпаемы. Есть в его архиве и стихи. Вот одно из них, называется «Счастье»:

*Привиделось: зовут, зовут меня,
А я никак не затеплю огня...
А за окном стояла непогода,
И ветер вторил скорбному сычу.
А я, прижатый теменью у входа,
Ломая спички, разжигал свечу.
- Ну что же ты? Иди! Я недалече!
Ступай смелей! – мне голос из ночи.
Но я всё медлил вышагнуть навстречу,
Боясь не донести своей свечи...
Сквозь стон дерев, ветвей костлявых муки
Ловил я голос, звавший горячо,
И чувствовал, как обжигает руки
Сбежавший воск расплавленным ручьём...
Так я стоял, согбенный, у порога,
Всё ждал безветрия, не чувствуя ожога.
И в затишке руки, истлев дотла,
Свеча моя покорно умерла...
И голос тот затих, и занялись зарницы,
И высветилось месяца ребро.
А утром там какой-то дивной птицы
Я подобрал сронённое перо...*

А вот как о таланте, жизни и творчестве Евгения Ивановича говорит поэт Николай Корнеев в стихотворении «К портрету однополчанина», посвящённом Носову (отрывок):

Был он мал,
Но не был мил и тих,
Мир артиллерийской панорамы.
Я за блеском орденов твоих
Резкие угадываю шрамы.
Чествовали нас,
Но всё равно – в день,
Что был потомкам заповедан,
Отдавало горечью оно,
Это красное вино победы.
Голос горя в здравницы проник,
Радовалось сердце и болело.
Твой сосед – безрукий фронтовик –

На стакан глядел остекленело.
Он не потревожил никого,
Не шумел, не плакался без толку.
Через годы встретил ты его
Где-то в чистом поле за просёлком.
Прошагали вместе три версты
И слова сказали те, что надо.
Выдюжили, значит, он и ты,
Мужики недюжинного склада.
Думали вы порознь об одном,
И забота оставалась в силе –
О здоровье, но не о своё
О здоровье Матери-России...

Песенная летопись войны

МАКСИМ ИСАКОВСКИЙ

В чистопольской разлуке с гордостью берег Исаковский прихваченный еще в Москве номер «Правды» – в нем было напечатано стихотворение «...До свиданья, города и хаты...». Стихотворение с молниеносной быстротой стало походной песней, которую пели в теплушках, на вокзальных площадях, в походах – по всей стране.

В декабре 1941 года, в памятные жгучими морозами дни, он пишет «В огне заводы...» – стихотворение, напоминающее пушкинское «Клеветникам России». Исаковский предрекал смерть тем, кто пришел в чужую страну на разбой: «Дотла сожжет вас ненависть народа, заледенит безжалостно зима». Художник рисует картину яростной борьбы с захватчиками, которые получают то, что заслужили. Стихи оказались пророческими и хорошо работали на победу.

Растет песенная летопись войны, создаваемая Исаковским вместе с великим соавтором – народом. В годы войны за ним окончательно закрепилась слава выдающегося поэта – песенника. Его песни **«Катюша»**, **«Огонек»**, **«В лесу прифронтовом»**, **«Ой туманы, мои растуманы»**, **«До свидания, города и хаты»**. **«Враги сожгли родную хату»** и многие другие воспринимались, как глубоко народные, без которых невозможно было прожить ни одного дня.

Одно из лучших стихотворений, **«В лесу прифронтовом»**, Исаковский посвятил своей жене Лидии.

*С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.
Старинный вальс «Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы,
И, словно в забытьи,
Сидят и слушают бойцы –
Товарищи мои...*

Стихи поэт послал старому товарищу, композитору Матвею Блантеру, спустя несколько месяцев услышал по радио, как песню исполняет Ефрем Флакс. Блантер

19 января исполняется 125 лет со дня рождения поэта М. В. Исаковского. Михаил Васильевич Исаковский. В 1941 году написал восьмистишье «Перед боем». Эта карандашная зарисовка — один из первых поэтических откликов на грядущую войну. Ожиданием часа наступления была заполнена жизнь автора, оказавшегося вместе с другими беженцами в Чистополе. Пройдет несколько труднейших военных лет, наполненных до краев надеждами, работой, холодом, отчаянием. Радио часто передавало песни на слова Исаковского, но поэт понимал, что теперь, как хлеб насущный, как самолеты и танки, нужно песенное слово.

избрал для песни форму вальса. Чудесная мелодия звучит, словно живое человеческое дыхание, она пробуждает воспоминание о родном доме, о мирной жизни. К оригинальным мотивам композитор «пристраивает» хорошо знакомые каждому интонации старинного вальса «Осенний сон», и это связывает песню с чем-то очень дорогим, не омраченным в памяти никакими тяготами войны.

«В лирических песнях, которые мы писали во время войны, – вспоминает М. Блантер, – хотелось дать возможность солдату "пообщаться" с близкими, высказать сокровенные думы свои, высказать их подруге, невесте, жене, находившимся где-то за тридевять земель, в далеком тылу».

Удивительна судьба песни военных лет на слова М. Исаковского под названием «Огонек», напечатанной в газете «Правда» 19 апреля 1943 года. Сюжет ее довольно прост и бесхитрошен: девушка провожает на передовую своего возлюбленного.

Символом их взаимной любви и в то же время талисманом становится «огонек», т.е. свет от электрической или керосиновой лампы, может быть, с учетом военного времени – от лучины. Автор об источнике «огонька» ни чего не сообщает. Поэт преданностью возлюбленных «огоньку» возвышает их чувства до верности Родине, соединив в ликующем порыве личное с общим.

*И врага ненавистного
Крепче бьет паренек
За советскую Родину,
за родной огонек.*

Песня «**Враги сожгли родную хату**», которая появилась в августе 1945 года на музыку М. Блантера. Ею великий поэт – песенник как бы подводил итоги Великой Отечественной войны. Кончилась война, уже не требуется сочинять песни мобилизационного характера. Он посчитал, что настала пора через песню передать свое отношение к масштабности той боли, тех страданий и неслыханных жертв, которые испытали советские граждане в борьбе с немецко – фашистскими захватчиками. За основу своей песни взял сюжет дореволюционной солдатской песни «Отслужил солдат службу долгую, службу трудную». В ней, как и в песне М. Исаковского, один и тот же трагический финал: по возвращении домой солдаты не застают в живых своих супругов. Только с той разницей, что у советского солдата, вернувшегося с фронта, нет не только любимой жены, но и семьи и хаты. Некому даже подать ему «зелена вина». Он вернулся в полном смысле слова к пепелищу. В его произведении горе русского солдата воспроизводится поэтически настолько ярко и трогательно, что при его прослушивании слезы невольно наворачиваются у слушателей, а не только у героя песни.

Постников Борис Анатольевич художник. Враги сожгли родную хату.

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат – и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя – мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, -

Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись вовеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью пополам.

Он пил – солдат, слуга народа,
И с болью в сердце говорил:

«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

Как и в мирную пору, Исаковский несколько раз обращался к излюбленному жанру стихотворного рассказа. Особенно удались ему записи – стихотворные рассказы – партизанских былей. В стихотворении «Партизанка» старуха рассказывает, как она сама, своими руками подожгла собственный дом, в котором поселились враги.

*Прости, сынок! Забудь отцовский дом,
Родная мать его не пощадила –
На всё пошла, но праведным судом
Злодеев на погибель осудила.*

*Жестокою придумала я месть –
Живьем сожгла, огнем сжила со света!
Но если только бог на небе есть –
Он все грехи отпустит мне за это.*

Пусть я стара, и пусть мой волос сед, –
Уж раз война, так всем идти войною...
Тут подошел откуда-то сосед
С ружьем в руках, с котомкой за спиною.

Апофеозом победной войны в творчестве Исаковского следует считать стихи о России, исполненные крупных обобщений, бесконечной благодарности к матери – Родине:

«Слово о России» (отрывок)

В годину испытаний,
В боях с ордой громил,
Спасла ты, заслонила
От гибели весь мир.
Ты шла в огонь и в воду,
В стальной кромешный ад,

Ложилась под танки
Со связками гранат;
В горящем самолете
Бросалась с облаков
На пыльные дороги,
На головы врагов;
Наваливалась грудью
На вражий пулемет,
Чтобы твои солдаты
Могли идти вперед...

Тебя морили мором
И жгли тебя огнем,
Землею засыпали
На кладбище живьем;
Тебя травили газом,
Вздымали на ножах,
Гвоздями прибивали
В немецких блиндажах...

Скажи, а сколько ж, сколько
Ты не спала ночей
В полях, в цехах, в забоях,
У доменных печей?
По твоему призыву
Работал стар и мал:
Ты сеяла, и жала,
И плавил металл;
Леса валила наземь,
Сдвигала горы с мест,-
Сурово и достойно
Несла свой тяжкий крест...

Ты все перетерпела,
Познала все сполна.
Поднять такую тяжесть
Могла лишь ты одна!
И, в бой благословляя
Своих богатырей,
Ты знала – будет праздник
На улице твоей!..

И он пришел! Победа
Твоя недалека:
За Тисой, за Дунаем
Твои идут войска;
Твое пылает знамя
Над склонами Карпат,
На Висле под Варшавой
Твои костры горят;
Твои грохочут пушки
Над прусскою землей,
Огни твоих салютов
Всплывают над Москвой...

Скажи, какой же славой
Венчать твои дела?
Какой измерить мерой
Тот путь, что ты прошла?
Никто в таком величье
Вовеки не вставал.
Ты – выше всякой славы,
Достойней всех похвал!
И все народы мира,
Что с нами шли в борьбе,
Поклоном благодарным
Поклонятся тебе;
Поклонятся всем сердцем
За все твои дела,
За подвиг твой бессмертный,
За все, что ты снесла;
За то, что жизнь и правду
Сумела отстоять,
Советская Россия,
Родная наша мать!

ПОБЕДОНОСНОЙ РОДИНЕ-СЛАВА!

«Они прошли по той войне. Писатели-фронтовики»

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

В сборник Всеволода Иванова «Военные рассказы и очерки» входят произведения о гражданской войне и Великой Отечественной войне. Здесь и ставшая классической повесть **«Бронепоезд 14-69»**, и печатавшиеся в газетах по горячим следам событий очерки: **«Мое отечество»**, **«Сердце страны»**, **«Час расплаты»**, **«На Курской дуге»** и др., и рассказы о беззаветном мужестве и стойкости советских патриотов: **«К своим»**, **«Быль о сержанте»**.

Военные рассказы и очерки Всеволода Иванова переносят читателя из одной исторической эпохи в другую, неизменно вызывая глубокие раздумья об ответственности каждого гражданина за судьбы Родины, за судьбы всего народа.

В книгу включены три очерка, рисующие облик фашистской армии – «Они пишут завещания», «Час расплаты», «Там, где судят убийц». Тупое, звериное лицо врага – гитлеровского фашизма, которому гробом обернулась его попытка покорить советскую силу, – обрисовано в них разгневанно и непримиримо. Разоблачение трусливо-слякотных натур завоевателей и их вдохновителей дает возможность еще глубже понять величие основных героев книги, утверждающих своими боевыми деяниями бессмертие родного народа и неистребимую волю к жизни.

Военные впечатления дали новый творческий импульс, появились новые рассказы, очерки, статьи. Писатель воспринимал героическую действительность великой войны как некий закономерный итог истории родного народа, его долгого военного пути, что и привело к рождению общего замысла повести «На Бородинском поле» и двух исторических рассказов – «При Бородине» и «Близ старой Смоленской дороги». Образы кутузовских солдат отца и сына Карьных и советских граждан кон-

3 февраля исполняется 130 лет со дня рождения писателя В. В. Иванова.

В годы Великой Отечественной войны работал корреспондентом. Летом 1943 года в качестве корреспондента «Красной Звезды» он был командирован в район Курской дуги. В цикле «На Курской дуге» ему удалось создать яркие образы бойцов, добывших победу в грандиозном сражении.

В составе группы писателей после взятия Орла отправляется на фронт для того, чтобы общими силами писателей создать книгу о битвах за Орел и Курск. Вместе с советскими войсками дошел до Берлина.

структора танков Ивана Карьина и его сына лейтенанта Марка Карьина раскрывают мысль о национальном родстве характеров русских воинов прошлого и настоящего.

Писатель знал о войне не понаслышке, поэтому в произведениях о лихолетье сороковых Вс. Иванов, воспроизводя то, что так потрясло его как очевидца событий. Так, в произведении **«К своим»** художник описывает, как переполненный фашистскими снайперами лес оживает с песней партизан, с *«той песней Родины, которую нельзя ни победить, ни уничтожить»*.

Ценность человеческой личности на войне Вс. Иванов определяет прежде всего ее общественно значимыми поступками, способностью подчинить личные интересы общественным. Именно такой личностью является сержант Василий Морозов из произведения **«Быль о сержанте»**, на которого возложена почетная миссия передать знамя полка в штаб. Изображая дорогу Морозова к штабу и его усилия, художник пишет:

«Он падал, вставал, опять падал, полз... только по метру в час он двигался вперед! Он падал чаще и чаще. Впрочем, ему не казалось, что он падает, просто шаги несколько неуверенны, да оно и понятно: в него стреляют, его уже ранило в правый бок, контузило в плечо... Нет, ни в коем случае ему нельзя умирать. Таков приказ. И он выполнит его во что бы то ни стало».

Старший сержант Евдаким Пантелеевич Тарасенко вынес Знамя полка

После Победы пришлось Всеволоду Вячеславовичу быть и в числе тех советских писателей, кому было поручено присутствовать на историческом суде народов над главными фашистскими преступниками.

В ноябре – декабре 1945 года он напишет потрясающей эмоциональной силы очерки «Там, где судят убийц (На Нюрнбергском процессе)». Эти очерковые записи ценны не только тем, что написаны очевидцем и в них дается общий фон того грандиозного события. Их уникальность все же в другом. Тонкий психолог, знавший людскую породу и умевший обратить внимание на самую манеру поведения, мимику, жесты, речь, Иванов смог создать психологическую зарисовку этих нелюдей:

«Я записывал оглашаемый документ. Когда я поднял глаза, чтобы отдохнуть, мой взор встретился со взглядом Геринга. Он сидел в своем френче, облокотившись о перегородку, наклонив голову, и глядел на нас пристально, не сводя глаз. Разумеется, он не знал, что это места русской прессы и что он смотрит на советских писателей. <...> Сквозь нас, сквозь эти стены он направлял свой ненавидящий взор на весь мир, на все человечество. Каким пыткам, каким истязаниям он хотел бы подвергнуть всех нас, дай только ему силу <...> в его мозгу теперь столько придумано для нас казней, столько пожаров и разорений, столько мук и терзаний... Этот взгляд, с которым я встретился случайно, говорил о чудовищной ненависти, которая не утихла и которая не утихнет, пока ее не перехватит веревка».

Думается, что в год 80-летия Великой Победы и Нюрнбергского трибунала было бы крайне полезным как можно большему числу сограждан прочитать эти очерки. Их историческая и художественная значимость нисколько не поблекла, они по-прежнему актуальны.

Среди высказываний Всеволода Иванова о своем творчестве есть одно, которое, на наш взгляд, очень точно раскрывает природу таланта художника, пафос его творчества. Говоря о том, что он много ездил по России и видел людей изумительнейших, писатель поведал о выношенном им убеждении:

«Они (эти люди) свершили поразительные героические дела в недавнем прошлом, и чувствуется, что не останутся на этом, что и в дальнейшем будут совершать подвиги изумительнейшие!» «И среди этого великого множества людей, – продолжает писатель, – меня привлекали самые маленькие – не по росту, а по общественному положению. Если уж они охвачены не совсем даже понятной им тягой к героизму, к свершению чего-то большего в моменты, когда даже они не очень понимают самих себя, то что же они способны свершить, когда поймут, осознают, увидят свой рост?»

Современник войны

ЛЕОНИД ПАСТЕРНАК

Борис Пастернак, по обыкновению, совместил в своём творчестве невозможное. Современник войны, начало которой застало его в Переделкино и Москве, затем он некоторое время прожил в эвакуации в Чистополе, в конце августа 1943 ездил с бригадой писателей на Брянский фронт.

И всё-таки настроение момента удивительно сочетаются в стихотворениях поэта с обращением к вечному.

Страшная сказка

*Все переменится вокруг.
Отстроится столица.
Детей разбуженных испуг
Вовеки не простится.
Не сможет позабыться страх,
Изборждавший лица.
Сторицей должен будет враг
За это поплатиться.
Запомнится его обстрел.
Сполна зачтется время,
Когда он делал, что хотел,
Как Ирод в Вифлееме.
Настанет новый, лучший век.
Исчезнут очевидцы.
Мученья маленьких калек
Не смогут позабыться.*

Стихотворение опубликовано в 29 номере журнала «Огонёк» за 1941 год, а значит, написано было уже в июле. По времени его создание совпадает с первыми воздушными бомбардировками столицы.

Сам Пастернак о начале войны писал: *«Последовали недели, когда всё на свете приобщилось к войне. Я дежурил в ночи бомбардировок на крыше двенадцатиэтажного дома – свидетель двух фугасных попаданий в это здание в одно из моих дежурств, – рыл блиндаж у себя за городом и проходил курсы военного обучения, неожиданно обнаружившие во мне прирожденного стрелка».*

10 февраля исполняется 135 лет со дня рождения русского поэта, писателя Бориса Леонидовича Пастернака.

Б. Пастернак, как и другие поэты, в своей поэзии обращался к теме Великой Отечественной войны. В 40-е годы он создает цикл стихотворений «Военные месяцы» (в 11-томном собрании сочинений – «Стихи о войне») и включает его в сборник «На ранних поездах» (1926-1944). Первые пять стихотворений цикла были созданы в Москве и Переделкине, с октября 1941 г. поэт эвакуирован в Чистополь, тем не менее значительная часть впечатлений об этом городе нашла свое воплощение в более поздних текстах, – Пастернак пишет о них, уже вернувшись в Москву, в 1943 году.

Перед нами – первое впечатление города, находящегося далеко от непосредственной линии военных действий. Жизнь столицы ещё почти не успела нарушиться. В неё ещё не хлынули потоки раненых, бегущих от войны в восточные части страны и многочисленные двигающиеся им навстречу военные. Ещё не уехали в эвакуацию жители. Есть только две вещи – первые, воспринимаемые особенно остро разрушения и погибшие и – детский страх от затемнения и бомбардировок, потому что именно дети всегда острее реагируют на массовые угрозы и настроения.

Можно только представить, сколько сил стоило непосредственному участнику событий мысленно вырвать себя из ситуации, перенестись мыслями в далёкое и обязательно счастливое будущее, представив всё происходящее вокруг страшной сказкой.

Поражает умение Пастернака в начале войны, в момент отступления, думать о победе. В стихотворении «Смелость», написанном в 1941 году, он так об этом пишет:

*Так рождался победитель:
Вас над пропастью голов
Подвиг уносил в обитель
Громовержцев и орлов.*

В 1941-43 гг. он жил и работал в эвакуации в Чистополе и писал заявления с просьбой отправить его на фронт. И только в 1943 г. он совершил поездку на Брянский фронт в составе писательской бригады.

Потрясённый картиной разрушений и мужеством солдат, он создаёт цикл «Стихи о войне», увиденной глазами христианина. Одно из стихотворений этого цикла «Ожившая фреска».

Сохранились дневниковые записи, которые помогают восстановить путь ассоциаций и размышлений Пастернака, сопутствовавших созданию лирического шедевра:

«Об этих разрушениях, об ужасе нынешней русского бездомности, о немецких зверствах и пр. писали очень много и не жалеется выражений. Истинная картина выглядела гораздо ужаснее и сильнее. Очевидно, о жизни нельзя писать изолированными извлечениями с изолированными чувствами, а надо привлекать все попутные мысли и соображения, поднимающиеся при этом».

Стихотворение Б. Пастернака, посвященное подвигу Гуртева, который находился вместе с под обстрелом 3 августа 1943 года. Гуртьев тогда попросил генерал-лейтенанта Горбатова спуститься в окоп. Но в тот же миг над их головами раздался свист мины. Широко раскинув руки, Гуртьев заслонил своим телом командарма, втолкнул его в окоп, но сам погиб.

В начале стихотворения возникает символ смерти – «штукатурный саван» «Конец же «Ожившей фрески» исполнен веры в вечную жизнь. Герой не уходит в небытие, но:

*Он перешел земли границы,
И будущность, как ширь небесная,
Уже бушует, а не снится,
Приблизившаяся, чудесная.*

В стихотворении «Победитель» всему Ленинграду выпал «бессмертный жребий»:

*Вы помните еще ту сухость в горле,
Когда, бряцая голой силой зла,
Навстречу нам горланили и перли
И осень шагом испытаний шла?*

*Но правота была такой оградой,
Которой уступал любой доспех.
Все воплотила участь Ленинграда.
Стеной стоял он на глазах у всех.*

*И вот пришло заветное мгновенье:
Он разорвал осадное кольцо.
И целый мир, столпившись в отдаленьи,
В восторге смотрит на его лицо.*

*Как он велик! Какой бессмертный жребий!
Как входит в цепь легенд его звено!
Все, что возможно на земле и небе,
Им вынесено и совершено.*

Сапер, герой с «врожденной стойкостью крестьянина», погиб, но успел выполнить боевое задание – подготовил в заграждениях пробоину, сквозь которую «сражение хлынуло»; товарищи положили его в могилу – и время не остановилось, артиллерия заговорила «в две тысячи своих гортаней». «Смерть сапера» (отрывок):

*Мы оттого теперь у Гомеля,
Что на поляне в полнолуние
Своей души не экономили
В пластунском деле накануне.*

*Жить и сгорать у всех в обычае,
Но жизнь тогда лишь обессмертишь,
Когда ей к свету и величию
Своею жертвой путь прочертишь.*

В 1943 году выходит книга стихотворений «На ранних поездах» (отрывок), включающая четыре цикла стихов предвоенного и военного времени:

*Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.*

*Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.*

*В них не было следов холопства,
Которые кладет нужда,
И новости и неудобства
Они несли как господа.*

*Рассевшись кучей, как в повозке,
Во всем разнообразьи поз,
Читали дети и подростки,
Как заведенные, вчасос.*

*Москва встречала нас во мраке,
Переходившем в серебро,
И, покидая свет двоякий,
Мы выходили из метро.*

*Потомство тискалось к перилам
И обдавало на ходу
Черемуховым свежим мылом
И пряниками на меду.*

Воинский подвиг в военной лирике Б. Пастернака трактовался как подвижничество, которое воины совершали с молитвой в сердце. «В неистовстве как бы молитвенном» мстители устремлялись «за душегубами» («Преследование»), Отчаянные разведчики были защищены от пуль и плена молитвами близких («Разведчики»):

*Их было трое, откровенно
Отчаянных до молодечества,
Избавленных от пуль и плена
Молитвами в глуби отечества.*

Правда писателя

ФЕДОР АБРАМОВ

Прозаик и публицист, он широко известен как страстный защитник интересов русской деревни. Позиция его в отстаивании нравственно-патриотических ценностей и устоев нашего народа была неколебима. И, бесспорно, имя этого писателя заслуживает самой доброй памяти.

Личный опыт Абрамова военных и послевоенных лет был широк и многообразен. Он пережил мужество, героизм и трагедию защитников Ленинграда, блокадную зиму и не менее страшные «бесперывные сражения баб, подростков и стариков в тылу», где «снаряды не падали, не рвались. Но работа на износ и за себя и за мужиков, ушедших воевать, голод, разутость и раздетость... похоронки... безотцовщина». Прежде всего писатель считал своим долгом рассказать именно об этой страшной военной и послевоенной трагедии миллионов простых тружеников. О том – знаменитая тетралогия «Братья и сестры», равная по масштабу «Войне и миру» Л. Толстого.

Это уникальные дневниковые записи времен войны (1942–1945) и последующих лет (1946–1983), глава из романа «Две зимы и три лета», повести, рассказы, большей частью незавершенные, но не менее значимые, свидетельствующие о многолетних размышлениях писателя о минувшей войне.

И наконец, страстное публицистическое слово Абрамова «О войне и о ПОБЕДЕ», посвященное героям Отечественной войны, живым и погибшим, рядовым и знаменитым: *«жить и работать по высшим законам совести и справедливости, с сознанием вечного и неоплаченного долга перед погибшими»*:

29 февраля исполняется 105 лет со дня рождения русского писателя, участника Великой Отечественной войны Федора Александровича Абрамова.

24 июня 1941 года, ушёл добровольцем в народное ополчение. Интересный факт его военной биографии: с апреля 1943 года был переведён в отдел контрразведки «Смерш» на должность помощника оперуполномоченного резерва, с августа 1943 года – следователь, с июня 1944 года – старший следователь следственного отделения отдела контрразведки. О том времени написал автобиографическую повесть «Кто он?», опубликованную его вдовой после его смерти.

Демобилизован осенью 1945 года.

Дрались яростно и смело. В последних числах сентября наш полк был разбит. Помню последний день: бой шел в районе одной реки. Мы уже несколько дней держали оборону. Зеленые цепи немцев, как лава, беспрерывно набегали на нас. 14 атак в день! Все кругом заволгло дымом. Сзади нас горели деревни и леса. Посмотришь туда – стоя рыхих зверей рыщут и несутся на нас. Солнце от дыма и пыли, казалось, истекало кровью. Мы, как кроты, зарылись в берег реки, мы приросли к земле. Уже два дня у нас не было связи с тылом. Патроны и снаряды кончались. Люди не ели двое суток. Но как только пьяная немецкая сволочь бросалась на нас, мы расстреливали ее у самых окопов, бросались в штыки и опрокидывали. Это был суций ад...

После ранения Абрамова перевели в СМЕРШ. Служба в СМЕРШе всё ещё считалась недостойной настоящего офицера. Даже и те литераторы, которые с пиететом смотрели на него, предвзято относились к его службе в СМЕРШе.

Ответом Абрамова тем, кто распространял нелепицы, могла стать повесть «Кто он?». Увы, она осталась незавершённой. Вдова Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова опубликовала только фрагменты несостоявшегося произведения. В частности, там сказано о том, что трёх человек из пулемётного училища ночью «неожиданно подняли и под конвоем повели в весеннюю распутицу по ночному Архангельску. На вопрос, куда ведут, – окрик: «Не разговаривать», а затем короткое: «Увидите. В контрразведку». «Зачем в контрразведку?» «И сразу, – вспоминал Абрамов, – страх. Жуткий страх. Спрашивал себя: чем провинился. ... И уже считал себя виноватым».

Что за необходимость была ночью вести людей под конвоем в контрразведку?! Жестокость времени проявлялась и в таких вещах.

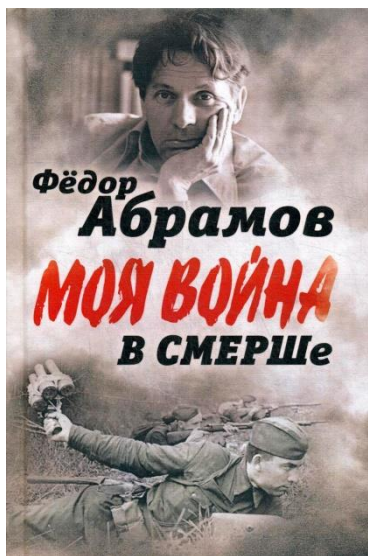
«Я никогда не отказывался от службы в контрразведке, хотя это и пыталась кое-какая писательская тля использовать против меня. Мне нечего было стыдиться. Не поверят, а я ведь освобождал», – строки из дневника Фёдора Абрамова.

В комментариях к неоконченной повести Людмила Владимировна Крутикова-Абрамова написала: «Я хорошо знала сюжет повести о следователе. Фёдор Александрович не раз рассказывал мне и близким друзьям, как он вёл в контрразведке расследование по делу брянского партизана и его жены, как установил их невиновность, добился освобождения. При этом его особенно поразила личность того человека, который был повинен в гибели партизанского отряда, им оказался бывший раскулаченный. Характеры были колоритными, а сюжет – необычен для Абрамова»

Герой Абрамова не выполняет поручение генерала, сулившее орден не только следователю (дело было на контроле Москвы), – устанавливает доказательство невинности подследственного и его жены и выносит оправдательное заключение. А приговор мог быть расстрельным... Из следователя контрразведчик превратился в адвоката. Ему было страшно, ибо оправдание взятых под арест могли расценить как брак в работе – *«на наказание в 10 лет смотрели как на какую-то норму. ... Осуждали автоматически, часто без всякой злобы»*. Осуждали за *«клевету на советский строй»*: на всяк роток не накидывали платок – люди говорили о том, что в колхозах голодно, что на фронте оружия не хватало, что часто приходилось отступать.

На основе этих записей вдовой писателя, Людмилой Крутиковой, литературоведом, специалистом по творчеству Бунина, и подготовлена небольшая книга, в серийном издании «Моя война» озаглавленная «В СМЕРШе. Записки контрразведчика».

Она, как и все вещи Абрамова, написана в спокойном, выдержанном тоне. Автор – сильный и мужественный человек. Он не нагромождает ужасов, он просто пишет правду о том, что видел и слышал, о том, что передумал. Это, по сути, дневниковые или памятные записи для несостоявшихся книг – судьба отпустила писателю немногим больше шестидесяти лет жизни.

Абрамов неустанно повторял и писал об этом в книге: возрождение России, путь социальных реформ без нравственного, духовного оздоровления нации «не может дать должных результатов».

Две силы должны править миром, убеждал он, – закон и совесть.

Писатель всегда восставал против прямолинейной оценки нашей истории. И в осмыслении войны, народного подвига, он пытался не только воздать должное невиданному героизму, но и осознать те ошибки, просчеты, ту неподготовленность к войне, которые привели к гибели миллионов, к послевоенным бедствиям.

Никто так смело не сказал о трагической сути народного подвига, как Абрамов в заметках к повести «Разговор с самим собой»:

«Сегодня иногда приходится слышать: о войне надо писать правду, но правду такую, которая бы не разоружила нас духовно. Я думаю, есть одна правда. И настоящая правда никогда и никого не разоружает. А потом – разве правда о войне с оговорками – не оскорбление тех, кто погиб?»

Каждый наш шаг, каждый наш поступок, каждый наш помысел до конца дней своих, до последнего часа мы обязаны, должны измерять

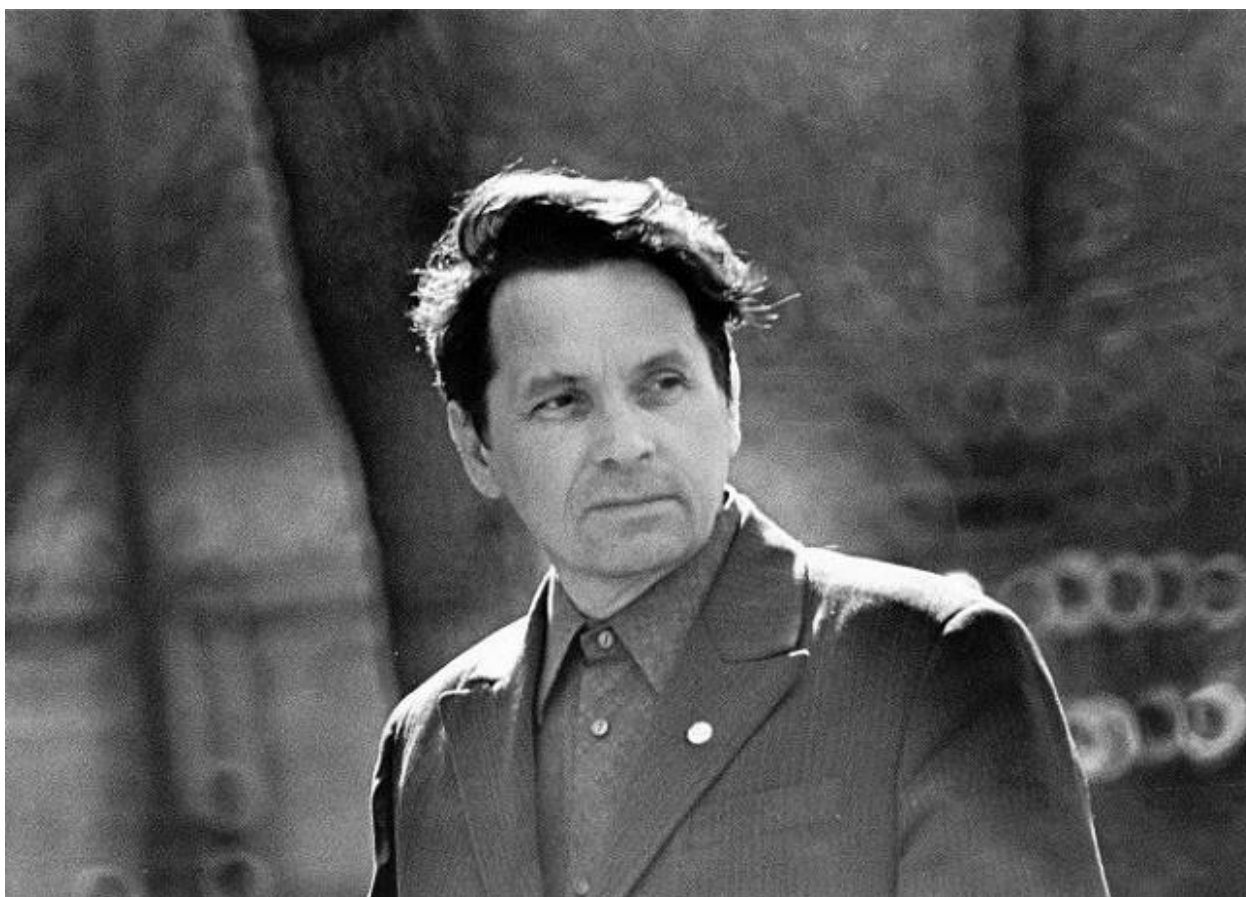
мерой их великого подвига, выверять их короткой, но такой удивительно красивой и чистой жизнью.

Наши сверстники и товарищи навсегда ушли от нас, но они всегда с нами, они и сегодня помогают нам жить, быть лучше и чище. Мы и сегодня живы ими».

Во время выступления на вечере встречи выпускников филологического факультета Ленинградского университета писателю задали вопрос: «Все ли вы сказали о войне, что вам непременно хотелось бы еще осмыслить и написать о ней?»

– Будущее литературы о войне, думаю, не столько в описании отдельных схваток и сражений (хотя и это немаловажно), сколько в углубленном осмыслении нравственных, идеологических и социально-философских основ минувшей войны. Поэтому толстовский подход к войне в неразрывной связи с миром, с годами, предшествовавшими войне, станет, мне кажется, определяющим.

Во всяком случае, именно в этом русле размышляю я.

Суровая правда и чистота

ВЕРА ПАНОВА

Военное лихолетье Вера переехала с детьми в Ленинград, где ее и застала Великая Отечественная война. В сентябре 1941 года она решается уехать из Ленинграда в город Пушкин, и тут она вместе со старшей дочерью сталкивается со всеми ужасами фашистской оккупации. Она писала своей приятельнице, детскому драматургу Александре Бруштейн:

«Всё видела своими глазами, написать есть о чём. Наш район выжжен, много людей перебито. В некоторых пунктах немцы жгли людей живьём, давили танками, травили газами. Мы – почти всё село – бежали в лес и жили там до прихода наших. Ну, это всё потом. Наши пришли 22 сентября, а сегодня у нас начала работать почта, и я спешу написать всем».

Уже через несколько дней во время облавы их хватают и отправляют в пересыльный лагерь под Псков, куда собирают всех евреев... Вере с дочерью удается сбежать, они пытаются спрятаться в Эстонии, в синагоге города Нарва. Конечно, это было не самое безопасное место, но некоторое время они там переживают, а потом пробираются на Украину. Немцы поджигают дом.

После освобождения села Вера Федоровна перебралась в Пермь, где работала в местной газете и на радио, но в конце 1944 года ей предлагают снова окунуться в войну, устроившись в военно-санитарный поезд № 312. В нем и отправляется писательница к местам боев, за ранеными.

За два месяца она совершила на этом поезде четыре рейса. Рассказ о буднях военных медиков, немудреные житейские истории раненых и послужили «строительным материалом» для повести «Спутники». Повесть была встречена читателями очень хорошо.

Первые дни войны. Иван Егорыч Данилов назначен комиссаром санитарного поезда. Правда поезд ещё не готов и команду он должен сформировать с нуля.

20 марта исполняется 120 лет со дня рождения писательницы В. Ф. Пановой.

Вера Панова прожила нелёгкую жизнь, испытала все невзгоды, выпавшие на долю мирного населения во времена Великой Отечественной войны, узнала, что такое репрессии. Возможно, огромный жизненный опыт, знакомство с различными людьми, перенесённые страдания и позволили ей найти ту удивительно душевную интонацию, которая отличает её книги.

Вера Панова считалась одним из самых «правдивых» авторов, подчеркивающих ужасы войны безо всяких приукрашиваний.

И он ищет и формирует так, что совершенно разные, не похожие ни чем люди становятся единой сплочённой командой.

«Мы должны быть ангелы. Херувимы и серафимы, да. Мы – братья и сёстры милосердия».

Эта повесть о том как спасали и как жили врачи, санитарки, медсёстры и те, чей повседневный подвиг вообще мало кто замечает – технический персонал. Для раненых они действительно стали херувимами и серафимами. Ведь всё, что описано в книге, мало чем отличается от реалий Военно-санитарного поезда 312.

Спутники поезда 312

Настоящее признание к Пановой пришло после войны. Ее называли художником слова и человеком чести. О чем бы она не писала, всё было жизненно и правдиво. Удивительное отношение к литературе, как к чистому и бескомпромиссному делу, отличало ее творчество, в котором – любые формы и жанры – эссе, рассказы, романы, пьесы и повести.

Государственной премии была удостоена, как и законченный в Ленинграде роман «Кружилиха». Это типичный «производственный» роман о жизни и быте военного завода на Урале, ставший, кстати, одним из первых в жанре в послевоенный период. К этой «производственной» теме обращались потом различные писатели, но Панова была первой.

Вновь она писала о суровых годах войны, когда победа над врагом завоевывалась не только на полях сражений, но и в тылу. Рабочий городок Кружилиха где-то на Урале, а в нем – крупный оборонный завод. Война свела здесь очень разных людей, общим у них было одно – "всё для фронта, всё для победы". Круглые сутки гремели заводские цеха, где

непосильную работу взвалили на себя женщины и подростки – вчерашние школьники. Но они любили, ссорились и мирились, мечтали и ждали тишины и мира...

Панова хорошо узнала рабочий индустриальный Урал в дни войны, сделавший все возможное и невозможное для Победы.

Последние строки из ее романа «Кружилиха»:
«Будет ли день, когда человек скажет: «Я всем доволен, премного благодарен, мне больше ничего не надо»? Никогда не будет такого дня. Всегда раскрыта земля для новых семян и никогда не сняты леса для строителя. А кто произнес такие слова: тот мертв, от него нечего ждать живым».

Как вспоминала писательница, сюжет повести «Евдокия» был подсказан газетной работой – на исходе войны многие семьи брали на воспитание осиротевших детей, причем нередко это были многодетные семьи.

«Помню одного милиционера и его жену, пишет Панова, у них было трое собственных детей, жили они в коммунальной квартире, а между тем как они добивались получить из детдома еще одного ребенка. Им отказывали, ссылаясь на неважное их устройство, а они продолжали, что называется, обивать пороги учреждений, пока не добились своего. Помню, как гордо они вводили из детдома сиротку девочку, держа ее за руки, как жена милиционера строила планы, как она оденет девочку (свои дети у нее были мальчики). Все увиденное показалось мне таким важным, что захотелось написать не очерк, а повесть, хотя бы совсем маленькую».

Ее героиня совсем не похожа на идеальных героинь – ни красива, ни умна, ни образована. Порой просто легкомысленна. Ни на стройках коммунизма не отличилась, ни в общественной работе не замечена. А героиня настоящая. Человечная. Добрая. Пятерых детей подняла. Чужих? Нет, своих...

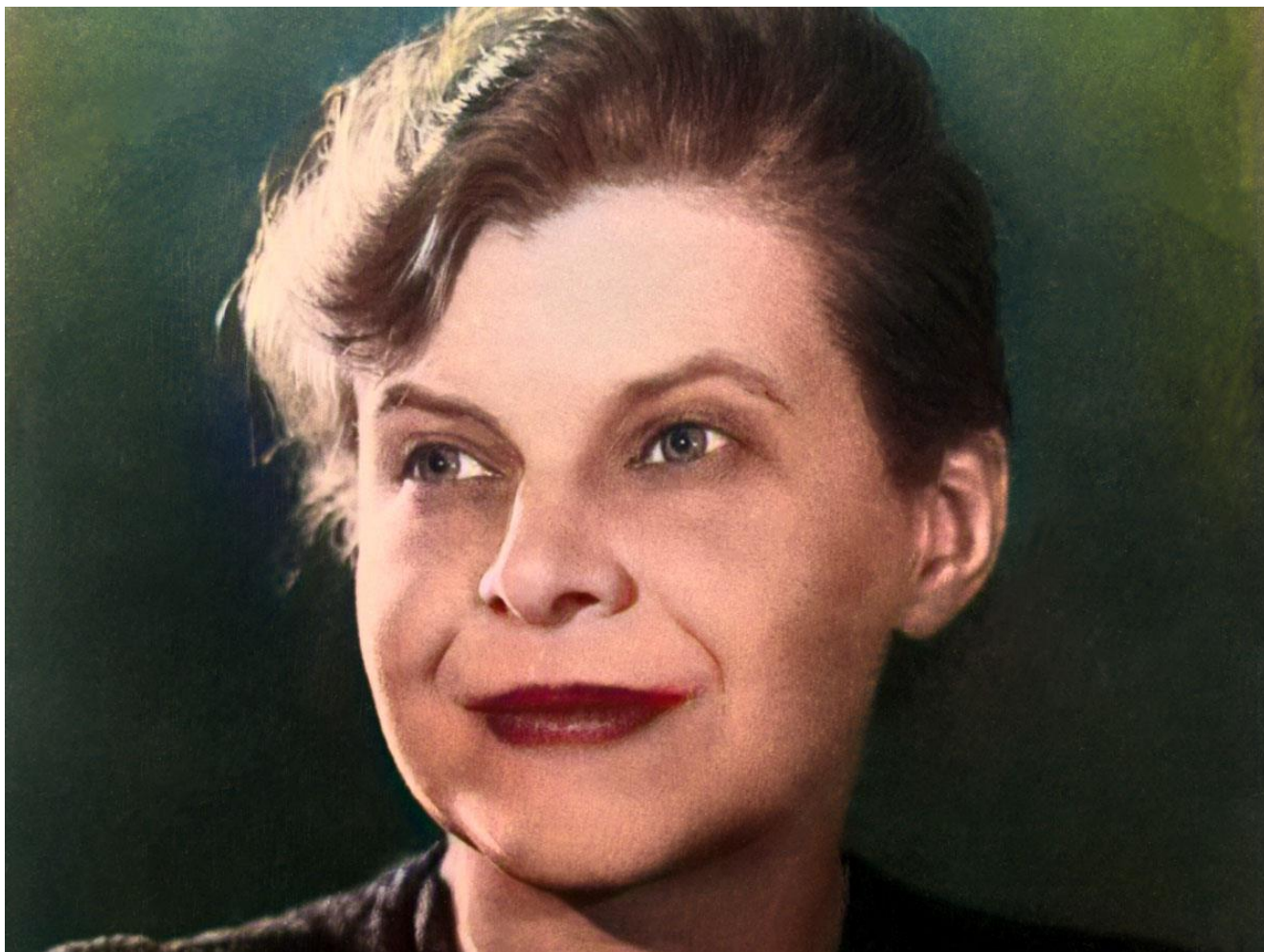
И в ее дом приходит война... Ушли воевать дети Евдокима и Евдокии, а как же иначе-то... Пришли в дом эвакуированные – и их, неприспособленных, берёт под своё крыло Евдокия.

Идёт война, ждёт Евдокия писем – от детей своих ждёт, что защищают Родину.

Вера Федоровна Панова начала писать эту книгу в Перми, в эвакуации, где она работала в газете «Сталинский призыв». Её, мать, волновали истории о том, как пермяки старались заменить эвакуированным детям семью – многие были сиротами, кто-то потерял родителей в военном лихолетье.

Вера Панова – обладательница сложной, местами страшной судьбы. Женщина узнала на собственном опыте, что такое сталинские репрессии и потеря любимого человека, прошла пешком по чудовищным дорогам Великой Отечественной войны. Возможно, поэтому ростовской писательнице удавалось создавать правдивые, пронзительные произведения, наполненные «живыми», такими настоящими персонажами.

«Жить надо, радуясь, умирать надо без страха» В. Панова

Автографы войны

ЮРИЙ НАГИБИН

В январе 1942 г. прекрасно владеющий немецким языком лейтенант Нагибин поступил в распоряжение 7-го отдела (контрпропаганда) Политуправления Волховского фронта и стал военным корреспондентом газеты «Soldaten-Front-Zeitung» («Фронтальная солдатская газета»). Она издавалась на немецком языке и вместе с листовками забрасывалась в расположение противника «кукурузниками» и летевшими на бомбежку бомбардировщиками.

Кроме того, Нагибин был «радиосолдатом» – вел передачи на вражеские окопы. Об этом Нагибин позднее расскажет в повести «Павлик» (1959) и ряде рассказов. На Волховском фронте ему пришлось не только выполнять свои прямые обязанности военкора, но и воевать с оружием в руках, и выходить из окружения. Здесь же, на Волховском фронте, Юрий Нагибин узнал, что принят в члены Союза писателей СССР.

Все впечатления и наблюдения фронтовой жизни позже вошли в его мемуары («Война с черного хода») и военные произведения. Героям Волховского фронта посвящены повести «Перекур», «Берендеев лес», «В те юные годы», рассказы «Бой за высоту», «Второй эшелон», «Радиосолдат», «Путь на передний край», «Дело капитана Соловьева», «Капельное сердце» и один из лучших нагибинских рассказов – «Солдатская душа», повествующий о волховском бойце, прошедшем Мясной Бор.

По мотивам своего рассказа «Бой за высоту» и глав из повести «Павлик» Юрий Нагибин написал сценарий фильма «Пока фронт в обороне», который вышел на экраны в 1964 г. Действие фильма разворачивается на Волховском фронте, в 1942 году. Молодой политрук отдела контрпропаганды штаба дивизии Русанов стремится попасть на передовую. Добравшись до нее, он со звукопередвижки ведет передачи, обращенные к немецким солдатам:

3 апреля исполняется 105 лет со дня рождения Ю. М. Нагибина, русского писателя, журналиста, сценариста и автора мемуаров.

Его знают как классика русской литературы, мастера изысканной прозы, так восхищавшей современников, автора сценариев известных и любимых наших фильмов.

Война для Нагибина не поворот в судьбе. Из дневника: «Я должен был закалиться, стать жестче, грубее, определеннее. Ничего подобного. Я сумел остаться прежним, слабым, робким, неопределенным, стойким лишь в одном – в своей слабости».

«Штатному диктору полагается боец-рупорист, но я не был штатным диктором, надо было самому вынести рупор в ничью землю. Заползать далеко нет нужды: радио достаточно горласто, чтобы фрицы услышали...».

На Волховском фронте Нагибин вел регулярные записи, которые впоследствии главой «Волховская тетрадь» вошли в посмертный, мемуарно-публицистический «Дневник» – лучшее, самое откровенное произведение писателя. В предисловии к «Волховской тетради» Нагибин напишет:

«... Надо помнить, что военные страницы писались на фронте, в тетрадке, которую очень легко найти, и при кажущейся ныне безопасности по тем временам тянули на «десять лет без права переписки. На этот риск я шел, но расстрела мне не хотелось, поэтому я опустил всю печальную эпопею 2-й Ударной армии, разгром под Мясным Бором, окружение, пленение генерала Власова, чему сам был свидетелем. Эта позорная страница войны целиком на совести Сталина, ибо и Власов, и Мерецков, командующий фронтом, не раз предупреждали его о роковых последствиях попытки прорвать кольцо Ленинградской блокады по линии Чудово – Любань, где у немцев была самая глубококошелолированная оборона. Не писал я и о том единственном бое, в котором участвовал, и о полетах на бомбежку, где я скидывал не бомбы, а листовки и газету для войск противника, которую мы издавали, – обо всем этом есть в моих повестях и рассказах...».

Юрий Нагибин – фигура сложная и многогранная. При наличии большого числа критиков его личности и книг, вряд ли кто-то сможет отрицать одно, и наверное, самое главное – его нежную верность своим ровесникам, фронтовому поколению и детской дружбе. Так очень редко бывает, но дружбу с одноклассниками он сохранил на всю жизнь. И в своих книгах возвращался к ним – живым, погибшим на фронте и умершим после войны.

Вряд ли кого-то не поразит рассказ «Терпение». Причём, именно поэтому читатель может подумать, что такого, как в рассказе не могло быть, как и не было острова Богояр, где происходит действие рассказа.

Это книга, в которой речь шла об инвалидах-фронтовиках, без рук и ног, которые могли зарабатывать только, прося милостыню на улицах. И их не очень-то жалели, даже дети старались над ними подшутить.

А потом они пропали с улиц городов. Чтобы не портили вид, было решено отправить всех безродных инвалидов и тех, кого родные не имели возможности содержать, по дальним

приютам. Многие попали в дом инвалидов на остров Валаам, тот самый Богояр у Нагибина.

Через тридцать лет после окончания войны здесь встречаются главные герои рассказа: он – безногий инвалид и она – благополучная внешне, семейная женщина-учёный. Но она каждый день своей вполне уважаемой жизни думала о нём, а он – каждое утро спешил на пристань на тележке с колёсиками, отталкиваясь от земли деревянными утюжками. И там «торчал пеньком» весь день, глядя на приезжавших туристов. Он просто хотел однажды увидеть свою Анну. И вот, спустя столько лет, дождался. Не думал, что она его узнает. Это не входило в его планы. Но она узнала его и такого:

И тут калека медленно повернул голову, звериным инстинктом почуяв слезку, солнечный свет ударил ему в глаза и вынес со дна свинцовых колдцев яркую, пронзительную синь. – Паша!.. – закричала Анна, кинулась к нему и рухнула на землю. – Паша!.. Паша!.. Паша!.. Она поползла, обдирая колени о влажно-крупитчатый песок, продолжая выкрикивать его имя, чего сама не слышала. Она не могла стать на ноги, не пыталась этого сделать и не удивлялась, не пугалась того, что обезножила. Если Паша лишился ног, то и у нее их не должно быть....

Вся сила ушла из рук и плеч, она едва продвигалась вперед, голова тряслась, сбрасывая со щек слезы. Калека не шелохнулся, он глядел холодно, спокойно и отстраненно, словно все это ничуть его не касалось. Она обхватила руками крепкое, жесткое и вроде бы незнакомое тело, уткнулась лицом в незнакомый запах стираной-перестираной рубашки, но сквозь все это чужое, враждебное, нанесенное временем, дорогами, посторонними людьми, посторонним миром, на нее хлынула неповторимая, неизъяснимая радость, которая не могла обмануть...

Это предельно откровенный и невыносимый по душевной боли рассказ. Безжалостный и по-настоящему антивоенный. 7 июля 1980 года в «Дневнике» Нагибин писал:

«Валаам: прекрасная природа, полуразрушенный монастырь, где есть корпус для особо изуродованных войной – самоваров: безногих, безруких, с обожженными телами. Большинство из них добровольно обрекло себя на изгнание, немногих отказались принять жены. Сейчас их осталось десятка полтора, но пополнение приходит за счет искалеченных на производстве. Мощное впечатление произвел безногий у причала: рослый, прямоспинный, с чеканным неподвижным лицом.

...(Я писал это, не подозревая, что встретил в лице калеки своего главного героя, что рассказ о нём («Терпение». – Е.К.) вызовет бурю и станет переломным моментом в моей литературной жизни)».

В заключении нашего небольшого повествования о Юрии Нагибине нам бы хотелось поделиться с Вами, уважаемые читатели, его воспоминаниями о Победе:

«В день окончания войны 9 мая 1945 года я был в Москве. Я работал тогда военным корреспондентом газеты «Труд», и мне в пору бы услышать счастливую весть где-нибудь в Германии, а не в доме на улице Горького возле Моссовета, но контузия опять дала о себе знать, и с последней поездки на 3-й Белорусский фронт, когда погиб бесстрашный Черняховский, я всерьёз и надолго вышел из формы. Но (это не банальный литературный приём и не обманная игра услужливой памяти) когда прозвучали по радио заветные слова, всю мою хворь, и физическую, и душевную, как рукой сняло....

Я никогда не испытывал такого счастья и напряжения сущности своей в мире и одновременно никогда так полно не изничтожался в окружающем, не утрачивал себя в совершенном слиянии с массой, как в те незабываемые часы...»

Строка к строке о той войне

ЮРИЙ GERMAN

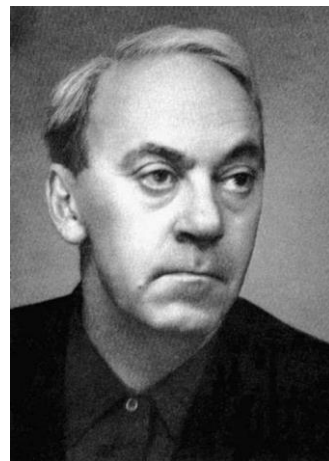
Годы Великой Отечественной войны ленинградец Юрий Герман провел на севере – корреспондентом Северного флота. Выезжал на передовую, ходил в походы на боевых кораблях, видел все, о чем писал, своими глазами. Оттого его вымышленные герои кажутся читателю реальными людьми, их образы обретают плоть и кровь, а сами они остаются в читательской памяти навсегда.

Таковы военные моряки, героически погибающие в неравной схватке с врагом из повести «Студеное море», такова героиня повести «Далеко не Севере», прошедшая всю войну санитаркой, а затем медсестрой, таков маленький мальчик – герой-рассказчик единственной повести Германа для детей «Вот как это было», повествующей о судьбе города-героя Ленинграда в конце тридцатых и в годы блокады:

«Работа как работа – военная работа... Думаешь, танкисту лучше, чем мне? То же у него опасная работа. Или лётчик! Или моряк! Подводник, например. Нет, Мишук, когда наша Советская Родина в опасности, стыдно искать работу полегче...»

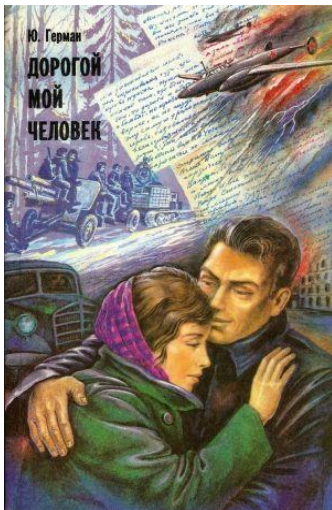
Таковы и врачи трилогии Владимир Устименко и Николай Богословский – целеустремленные, неуступчивые, человеческие, эпические, почти былинные герои нашей недавней великой истории, нашей тяжелой, неустроенной жизни, которую правильнее бы назвать ежедневной и ежечасной битвой за человека и за правду.

Действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны. Партизанский отряд, потом фронтовой госпиталь, где хирург Устименко оперирует целыми сутками, ранение, встречи и расставания, предательство и верность...

4 апреля исполняется 115 лет со дня рождения писателя Ю.П. Германа.

В годы Великой Отечественной войны Юрий Герман служил писателем-литератором при отделе агитации и пропаганды Политического управления Северного флота в звании капитана административной службы и на Беломорской военной флотилии в качестве военного корреспондента ТАСС и Совинформбюро. Он всю войну пробыл на Севере. Из Архангельска часто вылетал в Мурманск, Кандалякшу, по несколько месяцев жил в Полярном, выезжал на ответственные участки фронта, посещал передовые позиции, ходил в походы на боевых кораблях Северного флота. Писал очерки и статьи для ТАСС. За годы войны Герман написал несколько повестей и пьес.

Что бы ни происходило вокруг, герой романа по-прежнему ставит превыше всего «дело, которому он служит».

Сюжетная линия не одна – в книге описана не только история главного героя, но и его родных, и его знакомых. Ситуации, возникающие в их жизни в это трудное время, описаны легко и интересно. А ситуации возникают самые разные – кто-то пробивается с партизанским отрядом к своим войскам, кто-то подпольно организует сопротивление в захваченном городе, кто-то попадает в плен, кто-то героически погибает, а кто-то оказывается предателем и трусом. И даже в это страшное время есть место любви и соперничеству.

Иосиф Хейфиц рассказывал: ***«Я спросил как-то Юрия Павловича Германа: «Не надоело ли вам писать о врачах?» Он ответил: «Нет. Потому что в людях этой профессии наиболее ощутима, эмоционально ясна гуманистическая цель борьбы за человеческую жизнь, за полноценность человеческой натуры, за будущее дело, которому мы служим».***

Повесть Юрия Германа «Далеко на Севере», написанная в дневниковой форме, появилась после его поездки на Карельский фронт зимой 1942 – 1943 годов. Затем писатель увлекся темой проводки караванов и написал пьесу «Конвой», но потом изменил ее название на «За здоровье того, кто в пути». Прототипом главного героя этой пьесы стал друг писателя капитан транспортного судна Гогитидзе. Когда его судно шло в составе каравана из США в Архангельск, экипаж открыл оружейный и пулеметный огонь по вражеским самолетам и отогнал их, спасая ценный боевой груз. Премьера пьесы состоялась 23 февраля 1943 года.

Это был его путь, так же как и путь дедов и прадедов, и город этот был его городом, и светлое небо было его небом – вечное, незыблемое, всегдашнее причудилось ему сейчас в этом белесом тумане у берегов в легком сыром ветерке, в понурой фигуре пастуха.

Ах, если бы умел он писать, какое письмо он написал бы об этом Вале, если бы умел говорить, как рассказал бы ей о том, что думает нынче, что передумал за длинные месяцы войны, что перечувствовал, стоя на мостике, поджидая вражеский корабль, отыскивая врага в бескрайнем, огромном море...

Хемингуэй, в повести «Старик и море», сформулировал истинный героизм, то есть жизнь как подвиг, следующими словами: *«Человека можно уничтожить, но его нельзя победить».* Всеми своими лучшими книгами современник американского писателя Юрий Герман подтверждает и на примерах своих героев – таких разных, как еврей Александр

Левин («Подполковник медицинской службы»), украинец Владимир Устименко и русский Николай Богословский (трилогия «Дорогой мой человек») доказывает правоту утверждения Хемингуэя. При одном, конечно, условии: если ты настоящий человек. А кто такой настоящий человек? Тот, кто живет для дела, а дело делает не для себя, а для людей, то есть отвечает за всё. А кто, как не врач, если, конечно, он настоящий человек, живет для людей и отвечает за всё, за нашу с вами «живую жизнь»?..

Великой Отечественной войне посвящено немало хороших книг, в том числе написанных для детей. В основном это талантливые и честные произведения, ведь созданы они ветеранами, свидетелями той поры. Особенной болью среди них отзываются те, герой которых – ребёнок, попавший в жернова этой беды. И такая книга есть у писателя Юрия Германа. Повесть «Вот как это было» при его жизни не публиковалась, а была найдена уже после смерти, в личных архивах. Книга эта может помочь современному родителю рассказать ребёнку о Великой Отечественной войне. Ведь нужна не просто правда – нужны свидетельства, понятные и близкие. В первую очередь впечатления сверстника.

Всё привычно, всё просто, неизбежно и хорошо, как и должно быть в мире ребёнка. И в этот тёплый и спокойный мир врывается война.

А Мишка лежит в больнице, лечится от скарлатины. А потом его ранит осколком, и, очнувшись, он обнаруживает себя в другой палате, а рядом – военного лётчика, который, по иронии судьбы, тоже лечился от этой детской болезни.

Герман сумел найти слова, чтобы описать самое страшное – детскую смерть. Нет, не так. Он не описал её – он промолчал о ней. И от этого молчания сжимается сердце.

«Фашисты в нашу детскую больницу бомбу с самолёта сбросили. Пробила она потолок, пол и угодила в бомбоубежище.

Поранило, говорит, кое-кого.

Рассказал и отвернулся.

Я стал спрашивать, кого поранило; он молчал, молчал, потом ответил:

– Нас с тобой.

– А ещё?

Молчит.

– Где же все остальные? – спрашиваю.

Молчит. Потом поднялся и стал ходить. Никогда я не думал, что может человек столько по комнате ходить из угла в угол...»

В повести «Вот как это было» многое документально, основано на исторических фактах. Это не только памятные всем ленинградцам, пережившим блокаду, эпизоды с обстрелом зоопарка и пожаром в Народном доме, не только бомбёжка госпиталя...

Так, например, стихи «Над Ленинградом нависла блокада», помещённые в главу «Школа в подвале», – это не стилизация, не подделка под детское творчество, нет, это подлинное стихотворение одного ленинградского школьника тех суровых годов. Юрий Павлович однажды показывал мне эти стихи, написанные старательным детским почерком, расска-

зывает, что ему подарили их на встрече с юными читателями в одной из школ Дзержинского района Ленинграда.

*Над Ленинградом нависла блокада.
Мороз крепчает. На улице ни души.
В это время в школах Ленинграда
Сидят ученики, стиснув карандаши.
Лица опухшие, руки иззябшие –
Плохо слушать урок.
Уши отмёрзли. Но не сдаются ребята,
А с ними и их педагог.*

«Он был проповедником, – писал о коллеге Даниил Гранин. – И всё его творчество было притчей о человеке, страстно ищущем справедливости – социальной и всякой иной. Он был из тех реальных гуманистов, что пекутся не только о судьбах всего человечества, но и о доле каждого человека в отдельности – в отдельности и малости его».

«Не только именем я русский...»

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

Когда началась Великая Отечественная война, Всеволод Рождественский становится сотрудником газеты Армии народного ополчения «На защиту Ленинграда».

«К началу октября, – вспоминал поэт в своей книге «Страницы жизни», – Армия Народного ополчения, вобравшая в себя огромные массы рядовых ленинградцев, не подготовленных в военном отношении и вообще непривычных к условиям полевой походной жизни, до конца сыграла свою роль: ослабила и несколько задержала в районе Луги натиск во много раз превосходившего противника. Уцелевшие и получившие боевой опыт люди естественно вливались в ряды регулярных войск. Ополчение скоро перестало существовать... Началась самая трудная полоса в жизни блокированного города. Приближалась зима – в холодных квартирах с выбитыми стеклами, без света, без воды, без единого полена дров. Все рядовые ленинградцы находились в состоянии крайнего истощения, когда слабый огонек жизни поддерживал только тарелка жидкого супа на дуранде, и ежедневная мизерная порция хлеба – памятные каждому пережившему те дни 125 граммов. Голод туманил голову, отнимал последние силы. Ленинград медленно вымирал – не столько от вражеской бомбардировки, сколько от отсутствия хлеба и тепла».

Особенно болела у Рождественского душа о маленьком прекрасном городе своего детства. В августе-сентябре 1941 года на подступах к городу Пушкину шли ожесточенные бои. Художественные сокровища дворцов-музеев были частично эвакуированы или укрыты в земле.

17 сентября началась оккупация Пушкина, которая продолжалась до 24 января 1944 года.

«Город муз» превратился в руины, сотни его жителей были расстреляны или угнаны в фашистское рабство. «Сожжена добрая половина жилых домов, – писал в своих воспоминаниях Всеволод Александрович, – разграблены и разрушены дворцы – создания гениаль-

10 апреля исполняется 130 лет со дня рождения поэта В.А. Рождественского.

Во время войны был военным корреспондентом военных газет на Волховском и Карельском фронтах.

И неизменной в его жизни всегда оставалась любовь к невским берегам и блистательной Северной столице, которую он воспевал в своих стихах...

Он жил на переломе двух эпох – русской и советской. И писал о себе так:

*Не только именем я русский,
я душой*

*С судьбою Родины сплетен
нерасторжимо,*

*И мил мне гул времен над
самой головой,*

*Что для иных прошел
неуловимей дыма.*

ных зодчих, вывернуты с корнями липы елизаветинских аллей...».

С первых дней войны Рождественский служил в народном ополчении. Он участвовал в прорыве блокады Ленинграда.

*Я счастлив тем, что в пламени суровом.
В дыму блокад
Сам защищал и пулею, и словом
Мой Ленинград!*

Вот строки из последнего поэтического сборника Всеволода Рождественского «Психея», он составил и подготовил к изданию эту книгу незадолго до своей кончины, весной 1977 года:

*Дом мог расколот быть и стерт,
Дымиться в грохоте и пыли,
Но и в обломках распростерт,
Он не сдавался грубой силе.
Был камень, словно люди, тверд,
А люди крепче камня были...
Творивших подвиги не счесть,
Бессмертие для них награда,
И дышит мужеством в их честь
Доныне сердце Ленинграда.
В его трудах и думах есть
Твое наследие, Блокада!*

«Голос Родины» (отрывок) – знаменитое стихотворение 1941 года – прозвучал так звонко именно потому, что молодой поэт четверть века назад участвовал вместе со своим батальоном во всех бурных событиях, создавших ту самую Родину, за которую, не щадя своих жизней, сражался весь народ:

*И час настал. В развалинах и дыме
Враг опрокинут танковой волной.
Возносит вновь над стенами крутыми
София купол, черный и сквозной.*

*Она пробита вражеским снарядом,
Ободран золотой ее шелом,
Но на снегу, со звонницею рядом,
Все полегли, кто встал на нас с мечом.*

За время оккупации Новгород был почти полностью разрушен. Некоторые уникальные достопримечательности города безвозвратно погибли.

Разрушения были столь велики, что воспринимались как непоправимая утрата части национальной культуры.

В 1943-м вышла книга «Голос Родины», а в 1945-м – «Ладога». Это были самые разные свидетельства о том, что поэт переживал, что поэт видел, слышал и чувствовал. В жанровом отношении стихи военных лет оказались исключительно разнообразны – от сатиры и раешника до оды, от стихотворного очерка, рассказывающего о выполнении боевого задания, до баллады, от корреспонденции до песни.

Пулеметчик Смирнов

*На родине нашей, которой нет краше,
Немало отважных сынов.
Но есть между ними родное нам имя –
Герой-пулеметчик Смирнов.
Фашистские твари на нас наступали,
Огнем все сметая с земли,
Без счета их было, но черною силой
Смирнова сломить не могли.
Снаряды с досады обрушили гады,
Их танк на героя идет,
Но с гибелью рядом, в разрыве снарядов
Смирновский стучит пулемет.
Стальную громаду боец непреклонный,
Как родины доблестный сын,
Из ленты последней последним патроном
Встречает один на один.
Успел он сказать “Товарищи, братья,
Вас Родина к славе зовет!”
И в грохоте боя над телом героя
Бойцы отвечали: “Вперед!”
На родине нашей, которой нет краше,
Немало отважных сынов.
Но есть между ними родное нам имя –
Герой-пулеметчик Смирнов.*

Сборник стихов «Ладога» вышел в Ленинграде во время войны. Подписано к печати 5 марта 1945 г. Посвящено «Боевым друзьям Волховского и Карельского фронтов». Военные годы поэт называл едва ли не самым значительным периодом жизненного пути. Творчество Всеволода Александровича Рождественского, проникнутое чувством горячего патриотизма и любовью к людям, отдающим силы на благо родины.

За годы войны поэт проникается благоговением перед природой северного края. После увиденных карельских лесов, озер Ладоги, Онего, волховских краев он в своих стихах начинает восторгаться полями, тихими березовыми рощами, студеными лесными озерами.

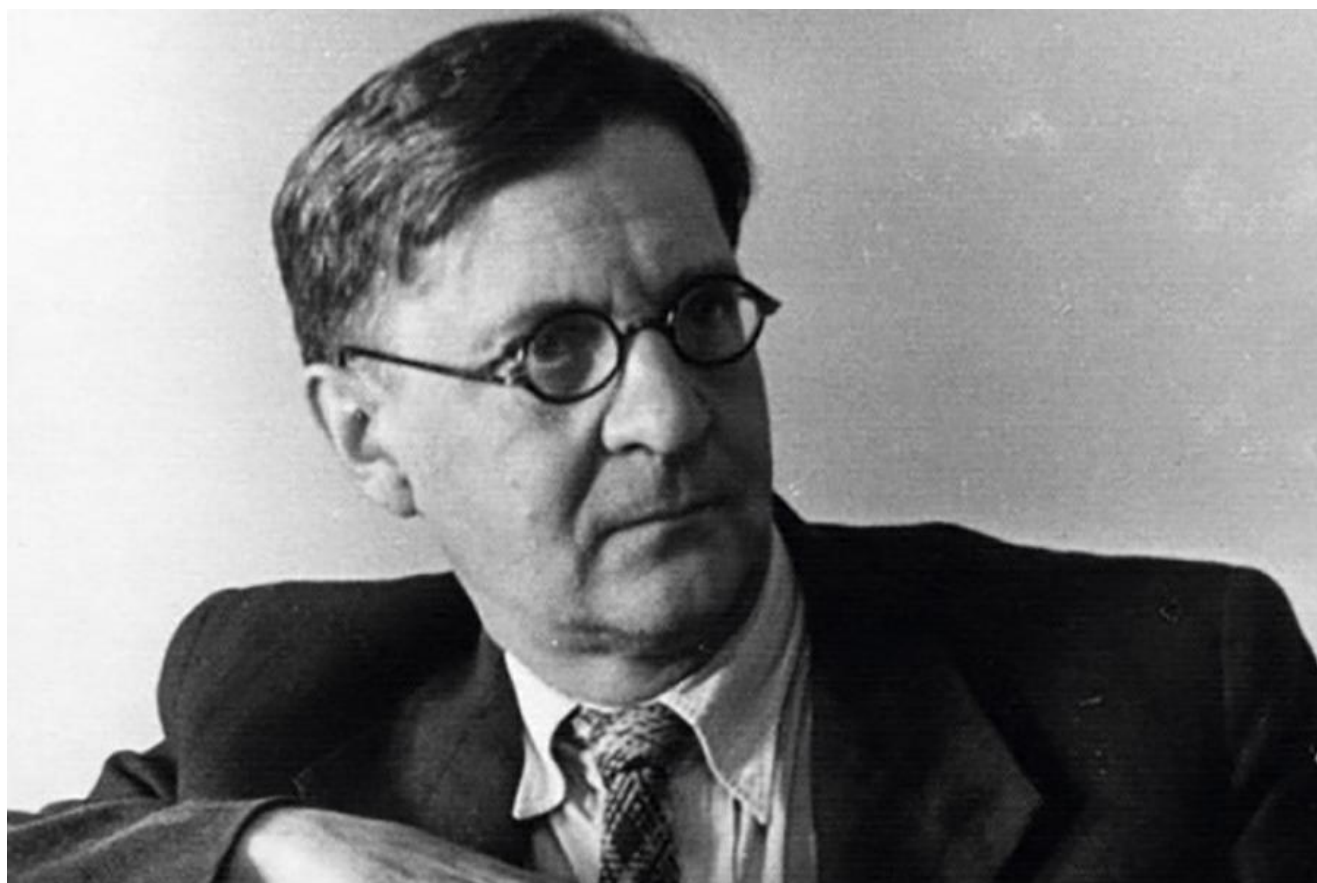
**Белая ночь
(Волховский фронт)**

*Средь облаков, над Ладогой просторной,
Как дым болот,
Как давний сон, чугунный и узорный,
Он вновь встает.*

*Рождается таинственно и ново,
Пронзен зарей,
Из облаков, из дыма рокового
Он, город мой.*

*Все те же в нем и улицы, и парки,
И строй колонн,
Но между них рассеян свет неяркий –
Ни явь, ни сон.*

*Его лицо обожжено блокады
Сухим огнем,
И отблеск дней, когда рвались снаряды,
Лежит на нем.*

Всеволод Александрович, и его коллеги и соратники называли его «свидетелем неповторимых лет, наследником надежд, участником свершений», «свидетелем века».

*Все отдам я за солнце, за ветер скитаний,
За высокую дружбу к родной стороне!*

«Он в песнях отразил войну»

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

В августе 1941 года Евгений Долматовский попал в Уманский котел, окружение, был ранен в голову и руку. В районе Зелёной браны был взят в плен. Казалось бы, шансов выжить нет, но пленный военкор не сдавался.

Из плена он пытался бежать дважды, вторая попытка оказалась удачной – вот тут на самом деле повезло по-крупному... Скрывался на оккупированной территории. Его спасла украинская крестьянка Марина Михайловна Вербина: выходила, вылечила его рану. Он называл ее второй своей матерью и часто ездил к ней.

А ведь коллеги-литераторы были уверены, что Долматовский погиб. Говорят, что Симонов посвятил ему эти строчки:

*Мы не увидимся с тобой,
А женщина еще не знала;
Бродя по городу со мной,
Тебя живого вспоминала.*

Все произошедшее с ним отражено в поэме «Пропал без вести» и в воспоминаниях «Было: Записки поэта». Боям под Уманью посвящена его военно-историческая документальная повесть «Зелёная браня»).

Повесть «Зеленая браня» была написана в 1979-1989 годах. У нее есть подзаголовок «Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны».

В ней – одной из первых в отечественной литературе – рассказана история, основанная на личном опыте автора, попавшего в 1941 в окружение и бежавшего из плена.

В повести рассказано об ужасах первых месяцев войны, об отношении государства к бывшим пленным и окруженцам.

«Отец говорил, что нужно найти всех пропавших без вести, соратников по Уманскому концлагерю, по сражению в Зеленой бране, а когда «Зеленая браня» вышла и пошел поток писем, ящик домашний не вмещал эти письма. Ему пришлось завести ящик на почте, и, однажды, я помню, с ним случилось – он пошел на почту и получил 300 писем»,

– рассказала дочь Е. Долматовского – Галина Евгеньевна Долматовская.

5 мая исполняется 110 лет со дня рождения поэта Е.А. Долматовского.

Длинную и страшную войну на четыре долгих года предстояло пройти Евгению Долматовскому вместе со всей страной. У него уже был некоторый опыт военкора – В 1939-1940 годах Евгений Долматовский в качестве военного корреспондента находился в действующих частях РККА на войне с Финляндией.

Все четыре года войны прошел вместе с частями РККА в качестве военного корреспондента. Много разного, и трагического, и страшного, и счастливого случилось за эти военные годы.

Пройдет товарищ все бои и войны

Не зная сна, не зная тишины...

И несмотря на весь пережитый ужас он был уверен, что бойцам необходима хотя бы толика тепла, памяти о родных и любимых, а иногда и удалого солдатского веселья – была не была, один раз живём. «Моя любимая», «Офицерский вальс», «Дорога на Берлин» – каждая из этих песен имеет свою историю создания, и заслуживает отдельного рассказа.

Бойцы прощались с родными и близкими на вокзалах под марш «Прощание славянки», а в эшелонах распевали новую песню Долматовского – «Моя любимая».

*Я уходил тогда в поход,
В далекие края.
Платком взмахнула у ворот
Моя любимая.
Второй стрелковый храбрый взвод
Теперь моя семья.
Поклон-привет тебе он шлет,
Моя любимая.
Чтоб дни мои быстрее неслись
В походах и боях,
Издаেকে мне улыбнись,
Моя любимая.
В кармане маленьком моем
Есть карточка твоя.
Так, значит, мы всегда вдвоем,
Моя любимая.*

Ни плен, ни контузии не могли остановить его, не могли умерить его активность. Он сражался как мог – своим легким пером. Стихи Долматовского появлялись в «Правде» и «Известиях», а также едва ли не во всех армейских газетах. Поэт участвовал в Сталинградской битве в знаменитой дивизии полковника Родимцева. Под Сталинградом Евгений был снова ранен.

*И без кожуха
Из сталинградских квартир
Бил «максим»,
И Родимцев ощупывал лед
И тогда еле слышно сказал командир:
– Коммунисты, вперед!.. Коммунисты, вперед!*

Евгений Долматовский был свидетелем встречи на Эльбе и присутствовал при подписании акта о капитуляции Германии в 1945 году. Он 1 мая 1945 года вел протокол переговоров генерал-полковника Василия Чуйкова с комендантом Берлина генералом Хансом Кребсом о сдаче столицы рейха. На своем командном пункте в Берлине его попросил это сделать сам Чуйков, хорошо знавший поэта еще со сталинградских боев.

Е. Долматовский читает стихи у Братербургских ворот

Песни о Днепре, а особенно «Случайный (первоначально – офицерский) вальс» принесли им настоящую славу. Да и как можно было не подпевать такой мелодии – заложенной уже в стихах:

*В этом зале пустом
Мы танцуем вдвоем,
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю, о чем...*

Такую песню попросил написать Долматовского летчик Василий Васильев. Это произошло с ним: случайная встреча, любовь с первого взгляда, срочный отъезд прямо из танцевального круга... Всё так и случилось, как надеялся летчик: песня прозвучала по радио, девушка откликнулась. Только Васильев уже погиб. Каждый раз, когда звучала эта песня – а она вошла в эстрадную классику, – Долматовский вспоминал летчика Васильева... И такими историями его стихи переполнены.

В конце войны Долматовский и играючи написал песню «Дорога на Берлин» (снова вместе с Фрадкиным) – и получилось предзнаменование Победы. Есть фотография – Долматовский шагает по освобожденному (все-таки именно освобожденному, а не покоренному) Берлину с головой Гитлера в руках – он нашел ее в рейхстаге, она слетела со скульптуры во время обстрелов. Он немного погулял с головой, а потом зашвырнул ее куда-то... Это один из самых выразительных кадров Победы.

*С боем взяли мы Варшаву,
город весь прошли,
И последней улицы название прочли,
А название такое, право, слово боевое:
Берлинская улица по городу идет!
Значит нам туда дорога,
значит нам туда дорога!*

Евгений Долматовский автор сценария фильма «Поэма о сталинградцах», который снял режиссёр Виктор Магатаев на Волгоградской телестудии в 1987 году. Фильм был посвящён 45-летию начала Сталинградской битвы.

*Не созданы мы для лёгких путей,
И эта повадка у наших детей.
Мы с ними выходим навстречу ветрам,
Вовек не состариться нам.*

«Писатель, рожденный Великой Отечественной»

ВЛАДИМИР ФЕДОРОВ

Федоров воевал на Карельском, Втором и Третьем Украинских фронтах, принимал участие в боях под Москвой и в освобождении Карелии, Венгрии, Австрии и Чехословакии. На фронтовых дорогах несказанно родным светом светили Владимиру Фёдорову боринские, елецкие, липецкие огни. «Боринские огни» – название его поэмы.

*Ты никогда здесь не была, родная,
А я... пойми: в душе моей они
Семнадцать лет горят, не угасая,
Далёкой ранней юности огни.*

Десантникам-свирцам Фёдоров посвятил повесть «Цветы полевые» из дилогии «Солдатские дороги». Фронтовые стихи Фёдорова были опубликованы победной весной 1945 года в журнале «Красноармеец» (главный редактор Степан Щипачёв) и в различных военных газетах. Одно из них называлось «Вместо письма» и было написано как бы от имени всех солдат. С тех пор он считал себя посланником солдат.

В мае 1945 года будущего поэта перевели работать в редакцию дивизионной газеты «В атаку!», он стал военным журналистом. После войны Федоров вернулся на Белгородщину, затем уехал в Москву, работал журналистом, учился в Литературном институте имени М. Горького.

О раннем творчестве Владимира Фёдорова поэт Михаил Исаковский писал ему: «*Стихи Ваши – простые, искренние, самобытные*».

15 мая исполняется 100 лет Владимиру Ивановичу Федорову. Один из поэтов фронтовой плеяды, которой поэтические крылья дала война, ставшая определяющей вехой в жизни целого поколения. Благодаря природному таланту и трудолюбию, он стал ярким представителем поколения поэтов-фронтовиков, а война помогла ему глубже познать жизнь, определила его мироощущение и нравственные принципы.

Началась Великая Отечественная война. В 1942 году добровольцем ушёл на фронт. Федорову было семнадцать лет. Закончил Одесское артучилище большой мощности в Сухом Логу Свердловской области. Стал парашютистом-десантником 9-й воздушно-десантной бригады Свирской Краснознаменной гвардейской дивизии.

Через всё его творчество красной нитью проходят судьбы людей, изведавших тяготы войны. Военному времени и однополчанам писатель посвящал стихи, поэмы, повести, которые включены во многие сборники. Фёдоров В.И. считал, что поэтом его сделал духовный подъём нашего народа в годы войны.

РОВЕСНИКАМ

Ровесники мои,
Однополчане!
Не хрупких
Необстреленных
Юнцов,
А ветеранов
С крепкими плечами -
Сегодня видеть вас
Хочу в лицо!
У нас нелегкий груз,
Вонзились лямки в плечи.
Друзья, у нас
Россия на плечах.
Пусть бросит строй,
Кто ищет
Груз полегче,
Кто в микромире
Комнатном
Зачах.
Кто в сорок лет
Кривляется стилижкой,
Кто, завывая,
Песенки поёт,
Кто ордена
Зовёт ехидно:
"Бляжки".
Поверьте мне,
Что тот,
Уже не тот.
Я видел подсудимых
За ворох тряпок,
Купленных врагом.

И вспомнил Волгу,
Застланную дымом,
И к горлу подступил
Соленый ком.
А где-то у глухих
Карельских стежек
Еще витают
Фронтовые сны
Над теми,
Кто в два раза
Нас моложе ...
Молчат над ними
Глыбы-валуны.
А где-то там
В горах
И парках Вены,
Спят в верных
Плащпалатках,
Не в гробу,
Те, что до смерти
Были откровенны,
Друзья, нам завещавшие
Борьбу.
Ровесники мои,
Однополчане!
Услышьте голос их
Из смертной тьмы.
За шум одних
И за других молчанье
Перед Россией
Отвечаем
Мы.

Владимир Фёдоров – автор четырёх пьес в стихах, широко известны песни на его стихи: «Калина во ржи» в исполнении Людмилы Зыкиной, «Есть вечная любовь» в исполнении Софии Ротару, – и другие. Стихи, поэмы, повести и сказки Владимира Фёдорова переведены на многие языки мира. Лауреат международной премии Константина Симонова. Белгородский государственный педагогический университет выпустил сборник статей известных писателей и литературоведов «Писатель, рожденный Великой Отечественной».

В публицистической поэме «Маршал Жуков» он отдаёт дань уважения и признательности соотечественникам («Побратимы и сёстры Дорогие, седые, милые Для великой Руси Не щадят живота своего»); задушевно и искренно его обращение к потомкам:

И ещё не забудьте, наши дети и внуки,

О седом, о крутом полководце.

Не сгоревшем в огне.

Пусть с Суворовым рядом,

Пусть с Кутузовым рядом

Скачет праведный маршал Жуков,

Главный маршал Победы

На белом коне.

МАРШАЛ ПОБЕДЫ

Из публицистической поэмы /

Парад Победы буду помнить до конца.

Штандарт нацизма на брусчатку лег!

На белом коне – Жуков, земляк отца,

На вороном коне – Рокоссовский, мамин земляк.

Гитлер, смертельно раненый зверь,

Умирал, опьяненный былыми победами:

– Мы не знали России... Мы открыли дверь,

За которой ничего не ведали...

Что же мне бог не помогает?

А Бисмарка тень:

– Получай возмездье!

Русские долго запрягают,

Но быстро ездят.

Муза блокадного Ленинграда

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

Тысячи ленинградцев ждали эти слова каждый день. Они знали: если Берггольц в эфире, значит, Город не сдался. Она не просто была рядом с ленинградцами – она жила с ними одной жизнью, ходила по тем же улицам, так же недоедала, сидела на голодном пайке и от истощения была на грани смерти.

«Я никогда героем не была.

Не жаждала ни славы, ни награды.

Дыша одним дыханьем с Ленинградом,

я не героизмовала, а жила», – писала Берггольц зимой 1942 года.

Блокадники вспоминали, что мягкий задушевный голос поэтессы, звучащий по радио в осажденном Городе, стал им родным. Не было тепла, света, еды и только этот голос три с половиной года поддерживал в ленинградцах надежду. Реальность была настолько жестокой, что казалось: людям не до стихов.

Но Берггольц писала так, что они становились точкой опоры для каждого, кто их слышал.

Был день как день.

Ко мне пришла подруга,

не плача, рассказала, что вчера

единственного схоронила друга,

и мы молчали с нею до утра.

Какие ж я могла найти слова,

я тоже – ленинградская вдова.

Мы съели хлеб, что был отложен на день,

в один платок закутались вдвоем,

и тихо-тихо стало в Ленинграде.

Один, стуча, трудился метроном...

Поразительные выступления Берггольц имели такую силу, что немцы внесли ее в список лиц, которые должны быть немедленно расстреляны сразу после взятия Ленинграда.

«В истории ленинградской эпопеи она стала символом, воплощением героизма блокадной трагедии. Ее чтители, как чтут блаженных, святых», – говорил о Берггольц писатель Даниил Гранин.

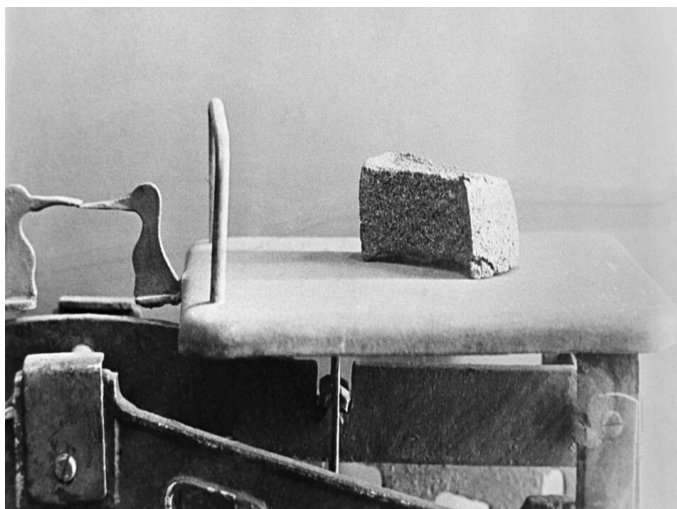
16 мая исполняется 115 лет со дня рождения поэтессы О. Ф. Берггольц.

Все 872 дня тяжелой блокады Ленинграда рядом с измученными горожанами был мягкий, искренний голос поэтессы Ольги Берггольц. Ее выступлений по радио ждали, не отходя от репродукторов, тысячи человек. Голос Берггольц давал им надежду, веру и силу жить дальше. Из автора милых детских книжек Берггольц превратилась в голос осажденного Города, стала символом мужества и борьбы ленинградцев за жизнь и свободу.

«Внимание! Говорит Ленинград! Слушай нас, родная страна. У микрофона поэтесса Ольга Берггольц...».

«Сто двадцать пять блокадных грамм с огнем и кровью пополам». Эти строчки из «Ленинградской поэмы» Берггольц, написанной летом 1942, моментально ушли в народ. Эта поэма – не просто стихи, а прямое попадание в нерв блокадного Города.

*Я как рубеж запомню вечер:
декабрь, безогненная мгла,
я хлеб в руке домой несла,
и вдруг соседка мне навстречу.
– Сменяй на платье, – говорит, –
менять не хочешь – дай по дружбе.
Десятый день, как дочь лежит.
Не хороню. Ей гробик нужен.
Его за хлеб сколотят нам.
Отдай. Ведь ты сама рожала... –
И я сказала: – Не отдам. –
И бедный ломоть крепче сжала.*

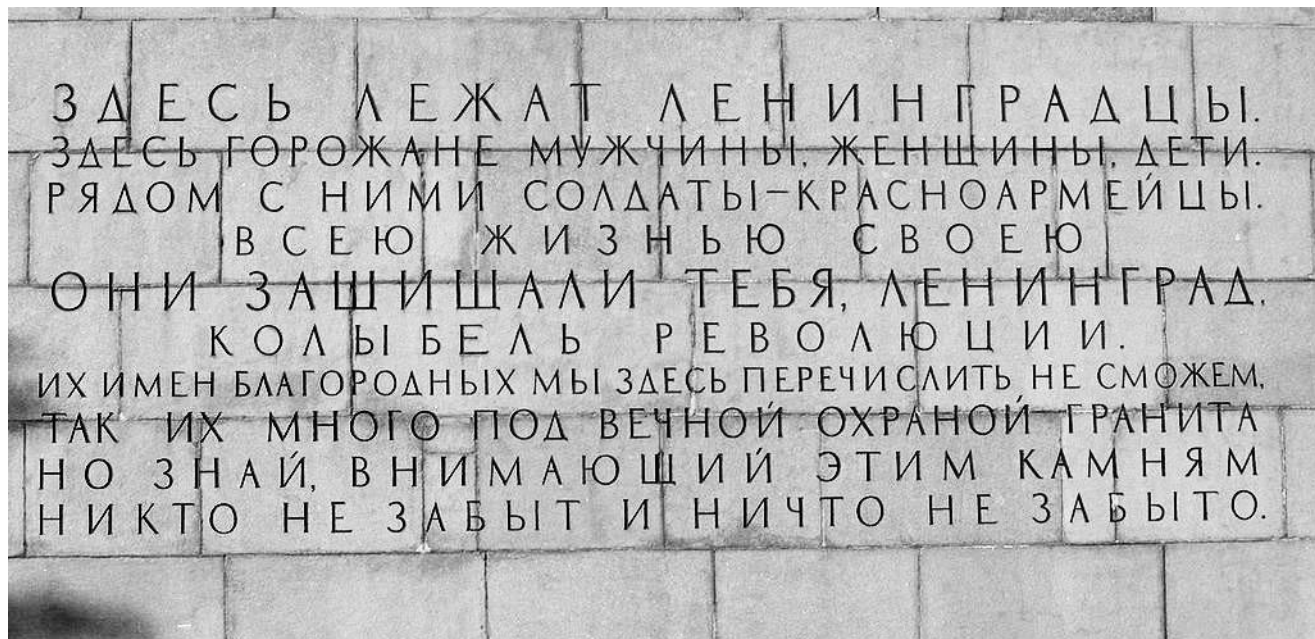
Успех поэмы был оглушительным – Ольга Федоровна писала в дневнике, что он превзошел все ее ожидания. Исследователи творчества Берггольц отмечают, что для этого было несколько причин. Во-первых, необходимо представить, как много значило радио для жителей осажденного Города.

Голос Ольги Берггольц спас не одну жизнь – так говорили многие блокадники. А однажды он спас и ее саму. Вера Казимировна Кетлинская как-то позвала Ольгу на "шикарный" ужин. Писательница разжила бутылочкой рыбьего жира и пожарила лепешки из непонятной смеси, основу которой составила кофейная гуцца. От Дома Радио до дома Кетлинской нужно было пройти всего два квартала. Но идти пришлось в кромешной тьме – никакого освещения улиц не было.

У филармонии Ольга Федоровна споткнулась и упала на занесенное снегом тело человека. Подняться никак не могла. Вдруг из громкоговорителя зазвучал голос... Ольги Берггольц. Она подумала на секунду, что сошла с ума. Но потом вспомнила: в это время должна была начаться запись передачи с ее участием. Силы вернулись. Берггольц поднялась и пошла от репродуктора к репродуктору – радиоточки находились на каждом перекрестке. Так ленинградцы передвигались по городу: от звука к звуку... Ужин у Веры Кетлинской удался на славу.

Живых ленинградцев радиоголос связывал с внешним миром, когда они уже не могли подняться с кровати. И часто этим голосом был проникновенный голос Ольги Берггольц.

Блокадники не забыли его и после долгожданной победы – неслучайно гранитные плиты Пискаревского мемориального кладбища «говорят» с жителями и гостями города монументальными по духу словами поэтессы:

За годы блокады Ольга Фёдоровна создала свои лучшие поэмы посвящённые защитникам Ленинграда «Февральский дневник» и «Ленинградскую поэму».

Автор описывает мужество солдат и командиров, которые помогают жителям Ленинграда, силу духа русских женщин, работающих в осаждённом городе, жителей далёких сёл, отдающих голодающим ленинградцам последние продукты, работу водителей и слесарей, которые не жалея собственных сил, помогают своим согражданам. Все части произведения объединены одним настроением, одной идеей, что победа в этой страшной войне – это заслуга всего советского народа.

*Вот так, исполнены любви,
из-за кольца, из тьмы разлуки
друзья твердили нам: „Живи!“,
друзья протягивали руки.
Оледеневшие, в огне,
в крови, пронизанные светом,
они вручили вам и мне
единой жизни эстафету...*

После войны выходит книга «Говорит Ленинград» о работе на радио во время войны, написала пьесу «Они жили в Ленинграде». После командировки в освобождённый Севастополь создала трагедию «Верность». О.Ф. Берггольц часто повторяла: «Ленинград и Севастополь – два невероятных светоча на моем жизненном пути».

В своих воспоминаниях Ольга Федоровна оставила большой материал о поездке в разрушенный город. То время уходит от нас все дальше, но читать эти заметки по-прежнему очень тяжело.

«Следы боев – всюду: на тишайших левитановских опушках – черно-ржавые остовы сгоревших батарей; над синей водой рек – обвалы взорванных мостов; на нежно-зеленой озими – обугленные скелеты танков. Подъезжаешь к нагим торчащим печам и трубам, к зубцам стен, к огромной гряде камней, а на них дощечки с надписями: «Курск», «Орел», «Харьков»,

«Белгород»... И так на всем пути от Ленинграда до самого Севастополя – по всей тихой осенней России».

Оглядываясь на пройденное, ни от чего не отрекаясь, с горькой и гордой прямоотой, свойственной ей, Берггольц скажет, что

*...никогда не поздно снова
начать всю жизнь,
начать весь путь,
и так, чтоб в прошлом бы – ни слова,
ни стоны бы не зачеркнуть.*

В этих стихах ничего нет о войне, но именно тогда – это хорошо понимает каждый читатель Берггольц, даже не знавший ее, – закалялась душа и чеканилось слово.

Свидетель времени

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

Первый день войны застал М.А. Шолохова за столом. Писатель трудился над второй книгой «Поднятой целины», на очереди был также замысел новой книги о сельской интеллигенции. Пришлось все это прервать, в полдень 22 июня 1941 г. Шолохов выступил на митинге перед жителями станицы Вешенской с призывом к беспощадной борьбе с фашистскими агрессорами.

На второй день войны Шолохов телеграммой известил наркома обороны о том, что передает в Фонд обороны Государственную премию, присужденную ему за роман «Тихий Дон», и что *«в любой момент готов встать в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии и до последней капли крови защищать социалистическую Родину»*.

Он делает мастерские зарисовки уходящих на фронт (очерк «На Дону»), опять же в своем, шолоховском, полновесном и полновзвучном «хоровом» стиле, охватив словом и языком все голоса и мнения станичников разных возрастов, и в своей же манере, пронцающей взглядом сквозь настоящее, и прошлое, и будущее:

«Два чувства живут в сердцах донского казачества: любовь к родине и ненависть к фашистским захватчикам. Любовь будет жить вечно, а ненависть пусть поживет до окончательного разгрома врагов.

«Великое горе будет тому, кто разбудил эту ненависть и холодную ярость народного гнева!»

Весной 1942 года появился рассказ Шолохова «Наука ненависти», в котором писатель создал образ героя, побывавшего в плену, несмотря на то что еще 16 августа 1941 года вышел приказ Ставки Верховного Главнокомандующего № 270, который приравнивал пленных к предателям.

В рассказе М. Шолохова «Наука ненависти» (1942) создан образ участника войны лейтенанта Герасимова. В нем воплощены лучшие черты воюющего советского народа.

24 мая исполняется 120 лет со дня рождения писателя М.А. Шолохова.

Великую Отечественную войну Шолохов прошел в качестве военного корреспондента «Правды» и «Красной звезды», участвовал в боях под Смоленском, на Волге, прошел фронтовыми дорогами до границы с Германией, воевал под Кенигсбергом, был награжден орденом Отечественной войны I степени, медалями за оборону Москвы и Сталинграда. В 1942 году при неудачной посадке самолета получил серьезную контузию, которая давала о себе знать на протяжении всей жизни.

Образ Герасимова предваряет образ Андрея Соколова из послевоенного рассказа автора «Судьба человека».

О лагере для советских военнопленных, где оказался и Герасимов, говорится лаконично:

«Сказать, что этот лагерь был адом, – значит, ничего не сказать». Герасимов выстоял, его могучий дух не был сломлен, он совершает побег из лагеря. «Я должен был вернуться в строй бойцов за Родину, – говорит Герасимов, – и я вернулся, чтобы мстить врагам до конца!»

Рассказ заканчивается словами главного героя о ненависти и любви: ***«И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить...».***

С первых дней Великой Отечественной войны Шолохов посвятил свое творчество служению народу, вступившему в смертельную схватку со злейшим врагом всего человечества – германским фашизмом.

В эти годы он создал произведения различных жанров: очерки, рассказ, главы романа «Они сражались за Родину».

«Меня интересует участь простых людей в минувшей войне. Солдат наш показал себя в дни Отечественной войны героем. О русском солдате, о его доблести, о его суворовских качествах известно миру. Но эта ситуация показала нашего солдата в совершенно ином свете. Я и хочу раскрыть в романе новые качества советского воина, которые так возвысили его в эту войну», – так характеризует писатель задачи, которые он поставил, создавая роман «Они сражались за Родину».

Шолохов изображает тот период войны, когда наши войска вынуждены были отступить. Стрельцов, Лопехин, Звягинцев и их боевые товарищи испытывают горечь поражений, стыд перед советскими людьми, остающимися на оккупированной территории. Временные неудачи Красной Армии не сломали силу духа героев романа. Писатель показал, что в самые горькие дни отступления советские воины не утратили веру в победу советского строя над фашизмом:

«Было что-то величественное и трогательное в медленном движении разбитого полка, в мерной поступи людей, измученных боями, жарой, бессонными ночами и долгими переходами, но готовых снова, в любую минуту, развернуться и снова принять бой».

Работа над этим романом растянулась на долгие годы. В нем Михаил Шолохов одним из первых русских писателей открыто писал о трудностях, ошибках, хаосе во фронтовой дислокации, об отсутствии «сильной руки», способной навести порядок в армии. Перед самой своей смертью писатель сжег роман, поэтому до наших дней дошли только его части.

Кончилась война, но Шолохов долго еще носил гимнастерку. Как писатель он по-прежнему чувствовал себя мобилизованным: предстояло продолжить осмысление великого ратного подвига Солдата. И как всегда он подходил к делу с предельной требовательностью к себе, с умением смотреть в корень явлений. Вот что он говорил корреспонденту «Правды»:

«Есть у меня во второй книге "Они сражались за Родину" генерал, брат Николая Стрельцова. Книга еще в работе... Мне важно психологию, мир чувств этого человека соотнести с делами времени. Дело не в том, кого изображает писатель – солдата или генерала. Необходимо прежде всего показать человека-борца, мыслящего, сознательного, твердого человека. Здесь недостаточно одного правдивого показа войны, нужна идея, ради которой эта война изображается. Воюют-то не просто народы, армии, солдаты и генералы. Сражаются идеи. Превосходство и духовная зрелость советского воина были несомненны даже в самые трудные первые дни войны. Ни народ, ни армия не теряли веры в победу. Об этом я писал и в военных очерках и в книгах».

В новогодние дни – 31 декабря 1956 и 1 января 1957 года – в «Правде» был опубликован рассказ «Судьба человека», в котором главным героем стал прошедший плен советский солдат. И хотя Шолохов не осмелился сказать о том, что ждало военнопленных на родине в дни войны, сам выбор героя стал актом гражданского мужества. Шолохову удалось в рассказе на примере судьбы одного простого русского человека, рядового бойца, показать действительную цену этой войны.

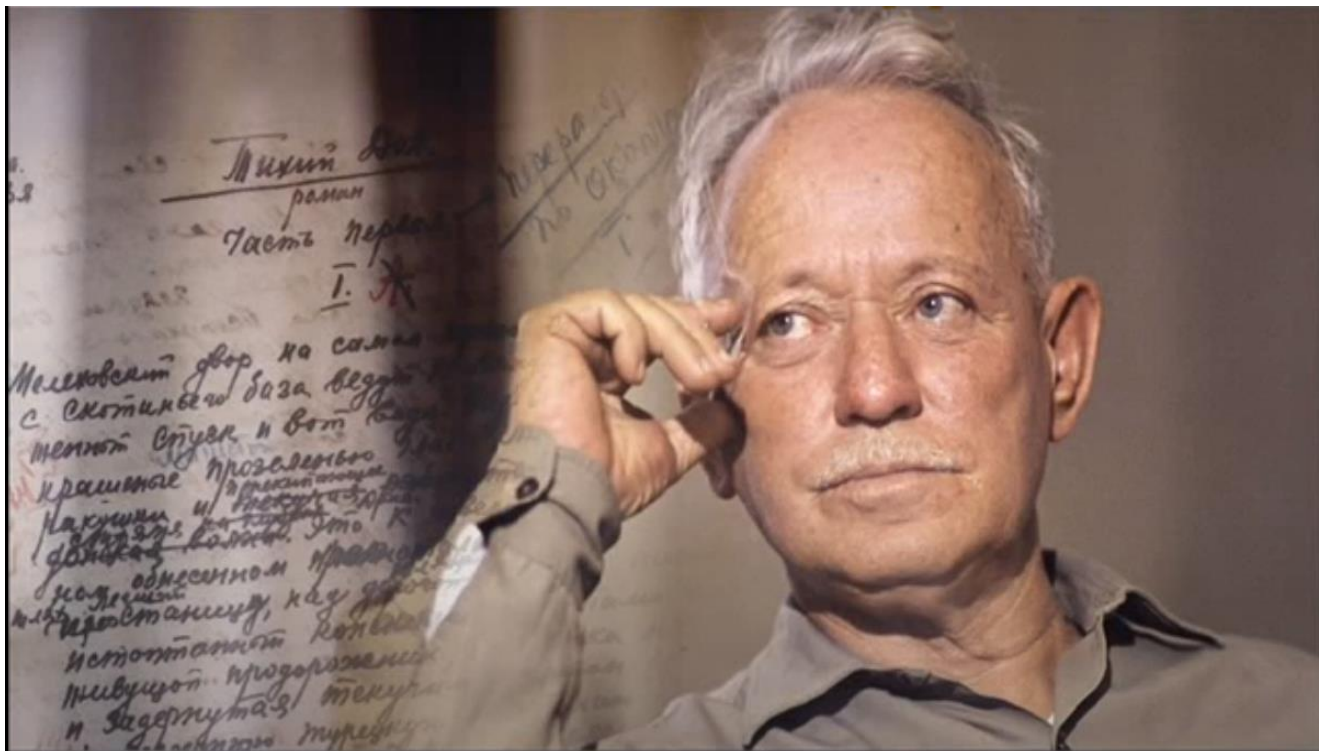

В финале рассказа Шолохов заставляет читателя остановиться и задуматься, вернуться к началу:

«И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек несгибаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который, повзрослев, сможет всё вытерпеть, всё преодолеть на своём пути, если к этому позовет его Родина».

В послевоенный период писатель создаёт не менее проникновенные публицистические произведения. Именно в эти годы он напишет очерки и статьи, которые войдут в золотой фонд советской публицистики. Основные темы публицистических выступлений М.А. Шолохова этого времени – любовь к Родине и желание её защитить.

В очерке «Свет и мрак» М.А. Шолохов ведёт спор через океан, сопоставляя два лагеря: мира и войны. Писатель рисует зловещий образ войны: *«Ещё кровоточат на теле народов раны, нанесенные войной, ... ещё не высохли слёзы на глазах матерей и вдов, и детям нашим всё ещё снятся беспроектные ночные затемнения и обвальный грохот бомбёжек, а воротилы с Уолл-стрита уже снова держат на тонком, туго натянутом поводке смерть».*

«Если любовь к родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть к врагам всегда мы носим на кончиках штыков». М. Шолохов

«Мне выпало все...»

ДАВИД САМОЙЛОВ

В годы войны Давид Самойлов стихов не писал – за исключением поэтической сатиры на Гитлера и стихотворений об удачливом солдате Фоме Смыслове, которые он сочинял для гарнизонной газеты и подписывал «Се­мён Шило».

Давид Самойлов считал необходимым, чтобы впечатления жизни «отстоялись» в его душе, прежде чем воплотиться в поэзии, но в апреле 1944 года, после освобождения концлагеря на территории Польши, в сильном эмоциональном состоянии от увиденного, он написал стихотворение «Девочка»:

*Восемь дней возила иудеев
Немчура в песчаные карьеры.
Восемь дней, как в ночь Варфоломея,
Землю рыли и дома горели.*

*«Слушай Бог!» – кричали их раввины.
«Слушай Бог!» – рыдали их вдовицы.
И Господь услышал неповинных –
Спас одно дитя от рук убийцы.*

*Девочка, растрёпанный галчонок,
Бурей исковерканная птаха.
И глаза – не как у всех девчонок –
Полусумасшедшие от страха.*

*Я обнял несчастного ребёнка,
Сел на покосившемся крыльце с ней,
Расчесал ей волосы гребёнкой,
Волосы из «Песни песней».*

*Девочка! И я ношу и грею
Под личиной грубой и несхожей
Сердце Божьей милостью евреев,
Милости не заслуживших Божьей.*

Регулярные публикации стихов Давида Самойлова начались в периодической печати с 1955 года, до этого, он работал как профессиональный переводчик поэзии и как сценарист на радио.

1 июня исполняется 105 лет со дня рождения поэта, переводчика Д.С. Самойлова.

В 1941 году, летом, Давид Самойлов вместе с другими студентами, был мобилизован, на рытьё окопов в Смоленской области, заболел и был эвакуирован в Ашхабад, где поступил в военно-пехотное училище, по окончании которого, в 1942 году, был направлен, в пулемётный расчёт, на Волховский фронт, под Тихвин.

В 1943 года был ранен в бою, ему спас жизнь друг, алтайский крестьянин Семён Косов, о котором поэт в 1946 году написал стихотворение «Семён Андреич»:

*И ты сказал, по-
обычному просто,*

Ленту новую заложив:

*- Ступай. Ты ранен (Вот
нынче мороз-то!)*

А я останусь, куда жив.

В поэме «Ближние страны. Записки в стихах» – 1954 год, Давид Самойлов подвёл итог важнейшего этапа биографии своего поколения:

*Отмахала моё поколение
Годы странствий и годы ученья...
Да, испита до дна круговая
Хмелем юности полная чаша.
Отгремела война мировая –
Наша, кровная, злая, вторая
Ну а третья уж будет не наша!..*

Война определила его судьбу. Он очень хочет написать роман, но получилось самое лучшее его стихотворение «Сороковые». В нём все мысли и переживания поэта о военной поре.

*Сороковые, роковые
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.
Гудят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с Запада к Востоку...
А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.
Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный,
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.
И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю.
И всё на свете понимаю.
Как это было! Как совпало -
Война, беда, мечта и юность.
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось.*

***Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!***

Но как меняется тональность поэта, когда он говорит о погибших друзьях (Коган, Кульчицкий, Лапшин, Майоров, Смоленский.)

*Перебирая наши даты,
Я обращаюсь к тем ребятам,
Что в сорок первом шли в солдаты,
И в гуманисты в сорок пятом.
А гуманизм не только термин,
К тому же, говорят, абстрактный.
Я обращаюсь вновь к потерям,
Они трудны и невозвратны.
Я вспоминаю Павла, Мишу,
Илью, Бориса, Николая.
Я сам теперь от них завишу,
Того порою не желая.
Они шумели буйным лесом,
В них были вера и доверье,
А их повыбило железом,
И леса нет – одни деревья.*

В 1965 году, к двадцатилетию Победы, в Театре на Таганке Ю. Любимов поставил знаменитый спектакль «Павшие и живые», в котором прозвучали стихи молодых поэтов-фронтовиков о войне, в том числе и Самойлова:

*Долго пахнут порохом слова.
А у сосен тоже есть стволы.
Пни стоят, как чистые столы,
А на них медовая смола...
Долго будут сосны над травой
Окисью синеть пороховой.
И уже ничем не излечим
Пропитавший нервы непокой.
«Кто идет?» – спросонья мы кричим
И наганы шарим под щекой.*

Впечатления о войне Давид Самойлов пронёс через всю свою жизнь и творчество. Мы выбрали наиболее, на наш взгляд, яркие произведения автора о войне.

Перед боем

*В тот тесный час перед сраженьем
Простуженные голоса
Угрюмым сходством выраженья
Страшны, как мертвые глаза.*

*И время не переиначишь.
И утешение одно:
Что ты узнаешь и заплачешь,
И что тебе не все равно.*

Мальчики уходят на войну

*Мальчики уходят на войну,
Возвращаются с войны – мужчины.
Девочками были в ту весну,
А теперь на лбу у них – морщины.
Смотрят друг на друга, узнают,
Бродят вместе, рук не разнимая.
Соловьи вот только не поют,
И любовь у них уже другая.
Видно, мало – памяти сердец,
Знают оба – жить им врозь отныне.
Там начало было, здесь – конец,
А война была посередине.*

Если вычеркнуть войну

Если вычеркнуть войну,
Что останется – не густо:
Небогатое искусство
Беречь свою вину.
Что ещё? Самообман,
Позже ставший формой страха.
Мудрость – что своя рубаха
Ближе к телу. И туман...
Нет, не вычеркнуть войну.
Ведь она для поколения –
Что-то вроде искупленья
За себя и за страну.
Простота её начал,
Быт жестокий и спартанский,

Словно доблестью гражданской,
Нас невольно отмечал.
Если спросят нас гонцы,
Как вы жили, чем вы жили?
Мы помалкиваем или
Кажем шрамы и рубцы.
Словно может нас спасти
От упрёков и досады
Правота одной десятой,
Низость прочих девяти.
Ведь из наших сорока
Было лишь четыре года,
Где прекрасная свобода
Нам, как смерть, была близка.

Стихи из планшета гвардии лейтенанта

ИОН ДЕГЕН

Вместе с товарищами он сбежал из эшелона, который вёз их в эвакуацию. Им удалось добраться в расположение 130 стрелковой дивизии, воевавшей на фронте, и добиться зачисления во взвод. Так в июле 41 года Ион оказался на войне.

Начало

Девятый класс окончен лишь вчера.

Окончу ли когда-нибудь десятый?

Каникулы – счастливая пора.

И вдруг – траншея, карабин, гранаты,

И над рекой до тла сгоревший дом,

Сосед по парте навсегда потерян.

Я путаюсь беспомощно во всем,

Что невозможно школьной меркой мерить.

До самой смерти буду вспоминать:

Лежали блики на изломах мела,

Как новенькая школьная тетрадь,

Над полем боя небо голубело,

Окоп мой под цветущей бузиной,

Стрижей пискливых пролетела стайка,

И облако сверкало белизной,

Совсем как без чернил «невыливайка».

Но пальцем с фиолетовым пятном,

Следом диктантов и работ контрольных,

Нажав крючок, подумал я о том,

Что начинаю счет уже не школьный.

Июль 1941 г.

Прошёл всего месяц из 31 человека из взвода осталось всего двое. Ион пережил окружение, скитание по лесам, ранение и госпиталь, из которого он вышел только в январе 1942.

Он опять рвался на фронт, но до призывного возраста ему не хватало 1,5 года, и его отправили в тыл, на Кавказ. Ион работал на тракторе в совхозе, но летом 1942 туда пришла война. В 17 лет добровольцем он снова попал на фронт и оказался в разведке. Осенью снова

4 июня исполняется сто лет поэту Иону Дегену.

Закончив 9 класс, Ион Деген поехал работать вожатым в пионерский лагерь на Украине. Там его и застала война. В военкомате в призыве ему отказали из-за возраста. Тогда он думал, что буквально через несколько недель война закончится, а он так и не успеет внести свой вклад в Победу.

Девятый класс окончен лишь вчера. Окончу ли когда-нибудь десятый? Каникулы – счастливая пора. И вдруг – траншея, карабин, гранаты, И над рекой до тла сгоревший дом, Сосед по парте навсегда потерян. Я путаюсь беспомощно во всем, Что невозможно школьной меркой мерить.

тяжёлое ранение. Его из-за линии фронта вытаскивали товарищи в бессознательном состоянии.

31 декабря 1942 года он выходит из госпиталя, и его, как тракториста, отправляют на учёбу в танковое училище. Два года обучения, и весной 1944 младший лейтенант Ион Деген снова оказался на фронте. На этот раз на новеньком Т-34. Начинается его танковая эпопея: десятки боёв, танковые дуэли, 8 месяцев на фронте. Когда гибнут один за другим твои товарищи, появляется другое отношение к жизни и к смерти. И в декабре 1944 года он напишет то самое знаменитое стихотворение в своей жизни, которое назовут одним из лучших стихотворений о войне:

*Мой товарищ, в смертельной агонии
Не зови понапрасну друзей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*Ты не плачь, не стони, ты не маленький,
Ты не ранен, ты просто убит.
Дай на память сниму с тебя валенки.
Нам еще наступать предстоит.*

Воевал он на совесть, а за везение Иона даже прозвали счастливым. Ведь не зря и сегодня его имя можно найти под номером пятьдесят в списке лучших советских танкистов-асов: Иона Лазаревич Деген, гвардии лейтенант, 16 побед (в том числе 1 «Тигр», 8 «Пантер»), дважды представлен к званию Героя Советского Союза, награжден орденом Красного Знамени. Для лейтенанта Дегена, командира танковой роты, все закончилось в январе 1945 года в восточной Пруссии.

21 января 1945 танк Ионы подбили, а экипаж, выскочивший из горящего танка, фашисты расстреляли. Когда 19-летнего парня доставили в госпиталь, он был ещё жив. Семь пулевых, четыре осколочных ранения, перебитые ноги, открытый перелом челюсти и сепсис. В то время это был смертельный приговор. Его спас главврач, который не пожалел на умирающего бойца дефицитный пенициллин, и Бог, у которого на Ионы были свои планы. И отважный танкист выжил!

И хотя в 19 лет пожизненная инвалидность казалась приговором, наш герой смог достичь невероятных высот в своей непростой жизни. В 1951 году он с отличием закончил мединститут, стал оперирующим врачом-ортопедом, а в 1958 году стал первым в мире хирургом, кто провёл реплантацию верхней конечности.

«Мы... чувствовали себя «смертниками», и нам было глубоко плевать, где нас убьют, в танковой атаке в родной бригаде или в стрелковом строю штрафного батальона» — вспоминал И. Л. Деген.

Является одним из советских танковых асов: за время участия в боевых действиях в составе 2-й отдельной гвардейской танковой бригады экипажем Иона Дегена уничтожено 12 немецких танков (в том числе 1 «Тигр», 8 «Пантер») и 4 самоходных орудия (в том числе 1 «Фердинанд»), много орудий, пулемётов, миномётов и живой силы противника.

Перенёс ожоги и четыре ранения, в которых ему достались двадцать два осколка и пуля.

*И даже если беспредельно плохо,
И даже если нет надежды жить,
И даже если неба только крохи
Еще успеешь в люке уловить,
И даже если танк в огне и в дыме,
И миг еще – и ты уже эфир,
Мелькнет в сознание:
Танками другими
Планете завоеван будет мир.
Лето 1943 г.*

Подвиги, совершенные Дегеном, хватило бы на несколько Звезд Героя Советского Союза. При освобождении Вильнюса Ион Деген творил такие чудеса, что его именем даже называли улицу в этом городе – Дегенская! Но когда командир батальона только заикнулся в штабе бригады, что лейтенант Деген за Вильнюс заслуживает Звезду Героя, замполит все сделал для того, чтобы наградной лист даже не был подписан: мол, нужно вести «борьбу за чистоту героических рядов от всяких там Дегенов».

И все же дважды Иона Лазаревича представляли к этому званию. Причем второй раз – в январе 1945 года – его выдвинул сам командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии Иван Черняховский – за успешную операцию в Восточной Пруссии. Иван Данилович пообещал лично проследить за награждением Дегена Звездой Героя, но вскоре он сам был убит там же, в Восточной Пруссии...

Почему так и не дали Героя? В 1965 году Дегену показали в киевском военкомате документ, где было написано: «В связи с тем, что у гвардии лейтенанта Дегена большое количество наград, есть мнение звание Героя Советского Союза ему не присваивать»...

Ион Деген вернулся с войны инвалидом, но с орденами и медалями общим весом в шесть килограммов. Однажды, приподняв на руке парадный пиджак Дегена, эту цифру назвал Евгений Евтушенко.

Рассказы Дегена невероятны. Вот он рассказывает нам о том, что для танкистов обыденным зрелищем была корма танка в крови и в кусках человечины. На войне быстро к такому привыкаешь. Как привыкаешь к тому, что приходится выгребать из сгоревших танков куски обуглившихся тел своих товарищей:

*На фронте не сойдешь с ума едва ли,
Не научившись сразу забывать.
Мы из подбитых танков выгребали
Все, что в могилу можно закопать.*

*Комбриг уперся подбородком в китель.
Я прятал слезы. Хватит. Перестань.
А вечером учил меня водитель,
Как правильно танцуют падеспань.*

*В жару и в стужу, в непролазь осеннюю
Мальчишки гибли, совершая чудо.
Но я, не веря в чудо воскресения,
Строкой посильной
Воскрешать их буду.
В душе своей не ошибиться клавишей,
Не слишком громко,
Не надрывно ломко,
Рассказывать о них,
О не оставивших
Ни формул,
Ни стихов
И ни потомков.
1954 г.*

Жизнь и борьба

АЛЕКСАНДР ТВАРДОВСКИЙ

Осенью 1939 года Твардовского призывают в ряды Красной армии и направляют в поход на западную Беларусь. После завершения осенней операции увольняют в запас, но это ненадолго – начинается Зимняя война, куда юный писатель отправляется уже в офицерском звании спецкорреспондентом военной газеты.

Тогда рождаются стихотворения «Баллада о красном знамени» и намного более известное «Две строчки»:

*Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.
Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал
Да лед за полу придержал...
Среди большой войны жестокой,
С чего – ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забывший, маленький, лежу.*

«Незначительной» называл Твардовский эту войну. Как выяснилось позже – совершенно правильно.

В горниле советско-финской у Твардовского начинает вырисовываться образ весёлого солдата, этакого балагура, которому всё нипочём.

И в одной из ленинградских газет вскоре выходит такая лубочная серия стихотворных фельетонов с картинками. Главного героя звали Вася Тёркин. Это был, конечно, ещё не тот герой, покоривший сердца миллионов советских граждан, но его прообраз, прототип. Да и солдатам Зимнего фронта он пришёлся по вкусу.

21 июня исполняется 115 лет со дня рождения поэта А.Т. Твардовского.

Во время войны Твардовский не бросал любимое занятие, он продолжал оттачивать свое мастерство и писать, писать, писать. В эти годы он стал автором цикла поэзий «Фронтовая хроника», написал прославленную поэму «Василий Теркин», приступил к работе по созданию еще одной поэмы – «Дом у дороги». Но завершил ее уже после победы, в 1946-м. Победа застала Твардовского в Кенигсберге, он имел звание подполковника.

На следующий же день писатель отправился на Украину – его назначили литератором газеты редакции Киевского Особого военного округа. И сразу Твардовский окунулся в самое пекло первых дней войны.

Казалось бы, поэт уже был закалён в боях с Финляндией. Но «это не Финляндия» – пишет Твардовский в письме жене. Первое задание он провалил – об ужасном разгроме Днепровской флотилии не смог написать ничего, настолько его это потрясло. Бросал лишь через плечо шутку:

Планшеткой голову от бомб прикрывал. Помогло.
Осенью, в тяжелейших боях начинается заново работа над Тёркиным. Удивительно, как к месту приходятся многие строки и слова. Твардовский через них будто выразил самую суть солдатской жизни.

Весной и летом сорок второго дописываются и сдаются в печать такие знаменитые главы, как «Переправа», «На привале» и «Перед боем». Это было именно то, в чём нуждались солдаты. Особенно после таких дней, описанных Твардовским:

*То была печаль большая,
Как брели мы на восток.
Шли худые, шли босые
В неизвестные края.
Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя?..*

Все эпизоды произведения связаны между собой личностью центрального персонажа. Твардовский избрал единственно верную тактику построения поэтического произведения. Он понимал, что идет война, что его читатели да и он сам находятся на передовой и в любой момент могут погибнуть, поэтому он старался выдавать законченные истории. Каждая история начиналась и заканчивалась в одном номере газеты, и была как отдельное произведение.

«После публикации «Тёркина» больше всего писем приходило Твардовскому или просто на конверте было написано: «Тёркину»» – вспоминает один из членов редколлегии «Красноармейской правды» – «Газета на фронте после прочтения обычно шла на самокрутки, но «Тёркина» солдаты не курили». Не случайно в карманах гимнастёрки убитых бойцов часто находили рядом с фотографиями близких потёртые газетные странички с отрывками из этой поэмы.

Бойцы Западного фронта «Красноармейскую правду» ценили – она была для них важнейшим источником информации о происходящем не только на своем, но и на других фронтах Отечественной войны. Они охотно сотрудничали с газетой, посылая в редакцию письма, в которых рассказывали о своих товарищах, о боевых эпизодах и фронтовых буднях.

Поэт получал много писем от фронтовиков. И вместе с ними в нём росла убежденность в том, что он нашел свое место на войне, свое истинное назначение. Считая «Тёркина» своим основным делом, военкор Твардовский продолжал выполнять обычную заказную газетную работу.

На протяжении войны Твардовский пишет еще одну поэму, которую завершит через год после войны – «Дом у дороги» – о разрушенном войной доме и разлучённой ею семье. Поэма была особенно дорога автору, как вобравшая в себя боль и горечь пережитого народом бедствия.

*В тот самый час воскресным днём,
По праздничному делу,
В саду косил ты под окном
Траву с росой белой.
Домой ждала тебя жена,
Когда с нещадной силой
Старинным голосом война
По всей стране завывала.
И, опершись на косьё,
Босой, простоволосый,
Ты постоял и понял всё,
И не дошёл прокоса.
Не докосил хозяин луг,
В поход запрягся,
А в том саду всё тот же звук
Как будто раздавался:
«Коси, коса, пока роса,
Роса долой – и мы домой».*

«Дом у дороги» – это поэма ещё и о любви. Очень тяжёлая, иногда с надрывом – её нельзя пересказать, её нужно читать.

*И та любовь была сильна
Такою властной силой,
Что разлучить одна война Могла.
И разлучила.*

Заканчивал войну в Германии, под Кенигсбергом, в Тапиау (ныне – город Гвардейск). Именно здесь располагалась редакция газеты «Красноармейская правда».

9 мая 1945 года к дому редакции с утра потянулись бойцы и командиры. Они хотели узнать у газетчиков подробности последних известий, переданных глубокой ночью по радио. С сообщением об Акте безоговорочной капитуляции Германии выступил военкор Александр Трифонович Твардовский. Именно от него бойцы узнали, что война закончилась.

По воспоминаниям Верейского, когда поэт услышал о победе, то его охватило какое-то особенное чувство: так как война окончена, то и он обязан окончить «свою войну», свою поэму «Василий Тёркин». И он дописал ее 9 мая.

*С первых дней години горькой,
В тяжкий час земли родной,
Не шутя, Василий Тёркин,
Подружились мы с тобой...*

С первых дней Великой Отечественной Твардовский понял, что память о ней, если он выживет, останется с ним навсегда.

*И памятью той, вероятно,
Душа моя будет больна,
Покамест бедой невозвратной
Не станет для мира война...*

Так оно и случилось: тема войны не уходила из его поэзии до самых последних лет. О ней он вспоминает в поэме «Дом у дороги», «За далью – даль», в стихах «В тот день, когда окончилась война», «Немые», «Я убит подо Ржевом» и во многих других... А в 1966 году он напишет:

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь –
Речь не о том, но все же, все же, все же...*

ЭПИЛОГ

«Вспомним их поименно»

Почитаем стихи тех, кто уже стал бессмертным благодаря своему подвигу, своему творчеству...

НИКОЛАЙ МАЙОРОВ

Даниил Гранин, вспоминая о Н. Майорове, друге студенческих лет, говорит: «Он не признавал стихов без летящей поэтической мысли, но был уверен, что именно для надежного полета ей нужны тяжелые крылья и сильная грудь. Так он и сам старался писать свои стихи – земные, прочные, годные для дальних перелетов».

Николай Майоров был убит 8 февраля 1942 года в бою на Смоленщине, похоронен в братской могиле... Ему было 22 года...

Мы

*Есть в голосе моем звучание металла.
Я в жизнь вошел тяжелым и прямым.
Не все умрет. Не все войдет в каталог.
Но только пусть под именем моим
Потомок различит в архивном хламе
Кусок горячей, верной нам земли,
Где мы прошли с обугленными ртами
И мужество, как знамя пронесли...
...Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах прочитаете как миф
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.
Когда б не бой, не вечные исканья
Крутых путей к последней высоте,
Мы б сохранились в бронзовых ваяньях,
В столбцах газет, в набросках на холсте...
...Мир, как окно, для воздуха распахнут,
Он нами пройден, пройден до конца,
И хорошо, что руки наши пахнут
Угрюмой песней верного свинца.
И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово "Человек"!*

МИХАИЛ КУЛЬЧИНСКИЙ

В начале войны ушел добровольцем на фронт, отучился в пулеметно-минометном училище. Погиб 19 января 1943 года под Сталинградом. Похоронен в братской могиле.

«Фронтовые стихи Кульчицкого в основном не сохранились, но из некоторых – на тему о военной готовности – вырисовывается постепенное осознание предстоящего мрака и ужаса. Юношеская жертвенность сочетается у него с верой в собственное поэтическое слово», – пишет литературный критик В. Казак.

*Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
Что? Пули в каску безопасней капель?
И всадники проносятся со свистом
Вертящихся пропеллерами сабель.
Я раньше думал: "лейтенант"
звучит вот так: "Налейте нам!"
И, зная топографию,
он топает по гравию.
Война – совсем не фейерверк,
а просто – трудная работа,
когда -
 черна от пота –
 вверх
скользит по пахоте пехота.
Марш!
И глина в чавкающем топоте
до мозга костей промерзших ног
наворачивается на чеботы
весом хлеба в месячный паек.
На бойцах и пуговицы вроде
чешуи тяжелых орденов.
Не до ордена.
Была бы Родина
с ежедневными Бородино.
(26 декабря 1942, Хлебниково-Москва)*

АРОН КОПШТЕЙН

4 марта 1940 года под Суоярви взвод попал в окружение (финская война). «Сдавайтесь!» – потребовали финны. Николай Отрада крикнул им в ответ: «Москвичи не сдаются!» – и бросился на прорыв, увлекая товарищей.

Взвод вырвался. Арон Копштейн пытался спасти своего раненого друга, но был убит тем же снайпером-«кукушкой». Он не дожил 15 дней до своего 25-летия.

*Мы с тобой простились на перроне.
Я уехал в дальние края.
У меня в «смертельном медальоне»
Значится фамилия твоя.
Если что-нибудь со мной случится,
Если смерть в бою разлучит нас,
Телеграмма полетит как птица,
Нет, быстрее во много тысяч раз.
Но не верь ты этому известью,
Не печалься, даром слез не трать:
Мы с тобой не можем быть не вместе,
Нам нельзя раздельно умирать.
Если ты прочтешь, что пулеметчик
Отступить заставил батальон,
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он!
Ты узнаешь, что советский летчик
Разбомбил враждебный эшелон,
За столбцом скупых газетных строчек
Ты пойми, почувствуй: это он!
Пусть я буду вертким и летучим,
Пусть в боях я буду невредим,
Пусть всегда я буду самым лучшим –
Я хотел при жизни быть таким.
Пусть же не проходит между нами
Черный ветер северной реки,
Что несетя мертвыми полями,
Шевеля пустые позвонки.
Будешь видеть, как на дне колодца,
Образ мой все чище и новей.
Будешь верить: он еще вернется,
Постучится у моих дверей.
И как будто не было разлуки,
Я зайду в твой опустевший дом.
Ты узнаешь. Ты протянешь руки
И поймешь, что врозь мы не умрем.*

ПАВЕЛ КОГАН

ВОВ застала его в Армении, где он участвовал в геологической экспедиции. Попытался уйти добровольцем, но не прошел по состоянию здоровья. Тогда он поступил на курсы военных переводчиков, и после их окончания поехал на фронт.

23 сентября 1942 года лейтенант Коган возглавлял поиск разведчиков. Он и его товарищи попали под обстрел. Павел Коган погиб под Новороссийском от пули немецкого снайпера. Ему было 24 года.

ПОСЛЕДНЕЕ

*Не надо. Уходи. Не больно.
А сердце... Сердце – ерунда.
И не такой. Простой и вольной,
Большой запомню навсегда.
И не тебя, совсем не эту
Любил. И верил и сказал
Совсем не этой. Где на свете
Та, для которой я писал?*

*И пусть другой на "Гере" якорь
Подняв, опустит в глубину.
Во сне приснишься – буду плакать,
Проснусь – опомнюсь, улыбнусь.
А если вновь потянет дымом
И трубы грозы пропоют,
Прочту стихи. Прощусь с любимой.
Пойду в Испанию мою.
И если пулей годы срежет,
Мне будет умирать смелей
За хлеб, за счастье и за нежность,
За нежность девушки моей.*

ВЛАДИСЛАВ ЗНАДВОРОВ

К началу войны уже был автором двух книг – повести «Медная гора»(1936) и сборника стихов «Простор» (1941). Кроме того, за период с 1932 по 1941 год в газетах и журналах было опубликовано около 30 его произведений.

После окончания курсов младших лейтенантов был направлен на фронт.

Автор этих строк, поэт погиб 28 ноября 1942 года в боях под Сталинградом в возрасте 28 лет.

*Ты не знаешь, мой сын, что такое война!
Это вовсе не дымное поле сраженья,
Это даже не смерть и отвага. Она
В каждой капле находит своё выраженье.
Это – изо дня в день лишь блиндажный песок
Да слепящие вспышки ночного обстрела;
Это – боль головная, что ломит висок;
Это – юность; моя, что в окопах истлела;
Это – грязных, разбитых дорог колеи;
Бесприютные звёзды окопных ночевок;
Это – кровью омытые письма мои,
Что написаны криво на ложе винтовок;
Это – в жизни короткой последний рассвет
Над изрытой землёй. И лишь как завершенье
Под разрывы снарядов, при вспышках гранат
Беззаветная гибель на поле сраженья.*

БОРИС СМОЛЕНСКИЙ

В 18 лет взял на воспитание мальчика, родители которого умерли. С детства мечтал стать моряком, поступил в институт инженеров водного транспорта. Одним из первых познакомил советского читателя с творчеством Федерико Гарсии Лорки и Артура Рембо. Учился в ИФЛИ, откуда и ушел на фронт, готовил к печати свой первый сборник стихов, но 16 ноября 1941 года 20-летний поэт погиб под Медвежьегорском, большинство его стихов, которые он носил в своей походной сумке, погибли вместе с ним.

*Моя песня бредет по свету,
Как задорный посвист моряны,
Как струя горячего света,
Как зеленый вал океана...
Капитаны, на шхунах-скорлупках
Уходившие в море без слов,*

*Берегли, как любимую трубку,
Синий томик моих стихов.
Лейтенант, что с фортами спорил,
Что смеялся над злостью стихий,
Южной ночью читал над морем
Мне на память мои стихи.*

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

В дни зимнего наступления, в январе-феврале 1944 года, когда немцы были разгромлены под Ленинградом, наши войска, преследуя противника, вышли к реке Нарва. На левом берегу был захвачен плацдарм. К нему, через ледяную переправу днём и ночью шли подкрепления, везли боеприпасы и продовольствие. Гитлеровцы вели по переправе ожесточённый огонь. Артиллерийский снаряд взорвался посреди боевых порядков взвода, который вёл на левый берег 24-х летний гвардии лейтенант Георгий Суворов, сибиряк, поэт-фронтовик. Он был искромсан осколками весь.

*Ещё утрами чёрный дым клубится
Над развороченным твоим жильём.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнём.*

*Ещё ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.*

*Ещё война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, – мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.*

*Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а всё-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.*

*В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней, –
Свой добрый век мы прожили как люди –
И для людей.*

ВАСИЛИЙ КУБАНЕВ

Василий Кубанев, погибший в 1942 году, писал еще тогда: «Человечество задыхается в грязи и мраке, тысячи людей умирают на бранных полях, страны – целые страны – стираются с карт; сироты дрожат в ночах беззащитными толпами... Мир сошел с ума...».

И ли другое: «Страшно подумать, сколько бумаги сейчас тратится на печатание никому не нужного литературного барахла! Когда же поймут это писатели? Когда совесть закричит в них?». Он говорил, что «в человека можно и должно верить»... Ему был 21 год, когда он погиб, но мудрость и доброта его огромны.

*По полю прямому
В атаку идут войска,
Штыки холодеют,
Колотится кровь у виска.
Из дальнего леса,
Из темного леса – дымок.
Один покачнулся,
К земле прихильнулся и лег.
– Товарищ, прости нас,
Чуток полежи, погоди,
Придут санитары,
Они там идут позади.
– Я знаю. Спасибо.
Ребята, вот эту шинель
Потом отошлите
В деревню на память жене.
А кончится битва –
Солдат не судите чужих.
Прошу, передайте:
Я с ними сражался за них.*

ВСЕВОЛОД БАГРИЦКИЙ

С первых дней войны, Всеволод Эдуардович добивался отправки на фронт, хотя был снят с воинского учёта, из-за сильной близорукости. 6-го декабря 1941 года Всеволод Эдуардович написал заявление в Политуправление РККА с просьбой принять его во фронтовую печать.

Всеволод Багрицкий, благодаря своей настойчивости, добился направления на фронт. Погиб при выполнении боевого задания во время массированного налета вражеской артиллерии 26 февраля 1942 года в деревушке Дубовик Ленинградской области. Ему было 19 лет.

Ожидание

*Мы двое суток лежали в снегу.
Никто не сказал: «Замёрз, не могу» –
Видели мы – и вскипала кровь –
Немцы сидели у жарких костров.
Но, побеждая, надо уметь
Ждать негодую, ждать и терпеть.
По чёрным деревьям всходит рассвет.
По чёрным деревьям спускалась мгла...
Но тихо лежи, раз приказа нет.
Минута боя ещё не пришла.
Слышали (таял снег в кулаке)
Чужие слова, на чужом языке.
Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал.
Вспомнил о сыне, коль дома сын.
Звёзды февральские пересчитал.
Ракета всплывает и сумрак рвёт.
Теперь не жди, товарищ? Вперёд!
Мы окружили их блиндажи.
Мы половину взяли живьём...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля достигнет сердце твоё.
Кончился бой. Теперь отдохнуть.
Ответить на письма... И снова в путь!*

Список литературы

[Александр Твардовский]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: http://alexlib.ru/wp-content/uploads/2023/01/scale_1200-2.jpg (дата обращения: 23.01.2025).

[Жуков Георгий Константинович Парад победы 1945]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: http://radost-moscow.ru/newsite/detvora/zhivet_pobeda/popova/14.jpg (дата обращения: 23.01.2025).

[Ион Лазаревич Деген]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://avatars.dzeninfra.ru/get-zen_doc/271828/pub_65265ba5e0e11f4ebde959a9_65278bab9bc67b6489f4a048/scale_1200 (дата обращения: 23.01.2025).

[Кадр из фильма «Они сражались за родину», 1975]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: <https://archivogram.top/gal/340/094/fotootkrytka-64-40265080.jpg> (дата обращения: 23.01.2025).

[Ольга Берггольц]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://cdnstatic.rg.ru/uploads/images/2022/10/25/32p_berggolz-1_337.jpg (дата обращения: 23.01.2025).

[Эшелон победы 1945]. – Изображение (неподвижное ; двухмерное ; визуальное) : электронное. – URL: https://topwar.ru/uploads/posts/2011-09/1316701326_pobeda_30.jpg (дата обращения: 23.01.2025).

«Ты не ранен, ты просто убит...» : стихи 19-летнего танкиста, которые никогда не попадут в учебники. – Текст : электронный // Культурология.РФ : сайт. – URL: <https://kulturologia.ru/blogs/071216/32529/> (дата обращения: 23.01.2025).

Баскин, Л. Имя на поэтической поверке. Давид Самойлов / Лев Баскин. – Текст : электронный // Проза.ру. : сайт. – 2019. – URL: <https://stihi.ru/2019/01/31/2956?ysclid=m691dks0pg458832175> (дата обращения: 23.01.2025).

Лейзерович, А. «Дворянин во мещанстве» : памяти Вадима Шефнера / Александр Лейзерович. – Текст : электронный // Семь искусств : журнал. – 2017. – № 12 (декабрь). – URL: <https://7i.7iskusstv.com/2017-nomer12-lejzerovich/> (дата обращения: 23.01.2025).

Михайлов, В. Скорбный июнь 1941-го: По страницам повести писателя Евгения Ивановича Носова «Усвятские шлемоносцы» / В. Михайлов. – Текст : электронный // Коммунистическая Партия Российской Федерации : официальный сайт. – 2023 – URL: <https://msk.kprf.ru/2021/06/14/162077/> (дата обращения: 23.01.2025).

Муза блокадного Ленинграда: как голос Ольги Берггольц спасал жизни. – Текст : электронный // Ren.tv. : сайт. – 2024. –24 янв. – URL: <https://ren.tv/longread/1033922-muza-blokadnogo-leningrada-kak-golos-olgi-berggolts-spasal-zhizni?ysclid=m690hlszlg722814137> (дата обращения: 23.01.2025).

Черненко, А. Свидетель времени: Михаил Шолохов. Великая Отечественная / Анна Черненко. – Текст : электронный // Литературное обозрение : сайт. – 2018. – 23 февр. – URL: <https://litobozrenie.com/2018/02/svidetel-vremeni-mihail-sholohov-velikaya-otechestvennaya/?ysclid=m6913nqvck425156677> (дата обращения: 23.01.2025).

Ознакомительное издание

**«Память горя сурова, Память славы жива...»
(Часть I)**

Составитель Калинина О. И.

Государственное бюджетное учреждение культуры Свердловской области

«Свердловская областная межнациональная библиотека»

620146, г. Екатеринбург, ул. Академика Бардина, 28

тел.: + 7 (343) 211-07-00, сайт: www.somb.ru

СВЕРДЛОВСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА